

ЮРИЙ И АЛЕКСАНДР ТАРАРЕВЫ

ЭВОЛЮЦИЯ
КОНТАКТА

18+

**Юрий Тарарев
Александр Тарарев
Эволюция контакта**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43085525

SelfPub; 2023

Аннотация

Кто бы мог подумать, что Надежда, обычная студентка одного не самого крупного города планеты Земля, станет контактером с могущественной цивилизацией Сейме-с . Узнает, что мы не одиноки во вселенной, а Земля так и вовсе – лакомый кусочек в борьбе инопланетных цивилизаций. Авантюрный характер, стремление к звездам и приключениям, внезапно переворачивают ее жизнь, и она оказывается в гуще борьбы за выживание целой вселенной. Космические битвы и новые миры, стали ее жизнью.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

155

Юрий Тарарев, Александр Тарарев Эволюция контакта

Часть первая

ЗОНА КОНТАКТА

ПРОЛОГ

Оставались тысячи световых лет до родной звёздной системы, когда в работе маршевых двигателей звездолёта отчетливо слышались нестандартные нотки перегрузки. Вей окинул взором приборные панели и сознание тут же выдало свой вердикт – домой вовремя не попасть. Да и попадёт ли он вообще домой, большой вопрос.

Вей стартовал из родной звёздной системы более десяти мерков¹, назад с исследовательской миссией изучения межгалактических газовых туманностей и реликтовых излучений, улавливаемых недалеко от предполагаемого центра вселенной. Его звездолёт оснастили новейшей аппаратурой и отправили в долгое космическое плавание.

Чем ближе он подлетал к этому центру, тем плотнее становились звёздные скопления. Звездолёт уже не мог двигаться с крейсерской скоростью, все время приходилось корректировать курс, огибать скопления слишком горячих звёздных

---

¹ В земном летоисчислении составляет примерно один год.

туманностей. В конце концов ему это надоело, и он принял нестандартное решение, лететь напрямую через галактики, их звёздные скопления, используя гравитацию звёзд для разгона экономя при этом рабочее тело и ускоряя достижение поставленной цели.

И вот на пути звездолёта Вея возникла первая галактика, которую он решил пересечь, а не огигать. Галактика представляла собой спираль с несколькими рукавами и эдаким двойным центром масс в виде перемины, вокруг которого вращалось всё это искрящееся светом звёздное великолепие.

Как только звездолет Вея углубился в эту галактику, мощность маршевых двигателей стала падать. Причину падения мощности, самодиагностика корабля определить не могла. Вей, согласно имеющимся инструкциям отключил маршевые двигатели. Не поддавалось пониманию и разрешению его логическим мозгом то, как это могло произойти? Звездолет находился всего лишь на окраине галактики, которая по космическим меркам, была не большой и легко преодолимой. Похоже, что его расчёты пересечь эту галактику сходу, используя гравитацию звезд, оказались не верными. Потеря мощности силовой установки диктовала настоятельную необходимость устранения появившейся проблемы, для чего нужно лечь в дрейф. Вей руководствуясь рекомендациями бортового интеллекта и логикой сознаний, принял решение приступить к торможению.

Учитывая падение мощности почти до критического

уровня, торможение заняло достаточно много времени, спустя которое он двигался внутри галактики с минимальной скоростью, почти дрейфовал на месте.

Достигнув состояния дрейфа, Вей развернул ремонтно-восстановительную систему звездолёта и отправился в отсек силовой установки маршевых двигателей. Переборки открывались при его приближении автоматически, датчики над ними светились красным, предупреждая о высоком уровне излучения, но он был для этого излучения непроницаем. Да если бы даже и был проницаем, вреда особого бы не принес, учитывая его физиологические особенности, или отсутствие таковых. Прибыв в отсек расположения блока управления силовой установкой Вей внимательно ознакомился с показаниями приборов, датчиков и задумался: «Все показания в норме, но маршевые двигатели работают с перебоями и теряют мощность, надо проверить силовую установку».

Переборка двигательного отсека ушла в сторону открывая технический тоннель, Вей направился к силовому агрегату, – «Внешне, все агрегаты функционируют нормально, техническая диагностика показывает штатную работу систем силовой установки».

Вей понимал, пока он не найдет причину потери мощности, дальше лететь нельзя. Его многоуровневое сознание пришло к решению разобрать и проверить все узлы и детали установки. Он набрал на клавиатуре последовательность ко-

манд ремонтным роботам, и те принялись за работу, снимая защитные кожухи с узлов и агрегатов, тестируя каждый узел, каждый контакт.

Время шло, а причина потери мощности не находилась. Вей вновь и вновь прокручивал возможные варианты неисправности, но после проверки все они отпадали: силовая установка находилась в идеальном состоянии. Вей перебрал все вероятные и невероятные причинно-следственные связи возможной поломки систем корабля участвующих в работе силовой установки и ничего! На его многоуровневое сознание начинала давить неопределённость вводя в энергетический дисбаланс. Оставив роботам завершить сборку силовых установок, он направился в рубку управления кораблем.

То, что он лично занимался силовой установкой не укладывалось в логику поведения его высокоразвитого вида. Он мог всем управлять и все видеть, находясь в контактном «гнезде» рубки звездолета. Такие поведенческие отклонения вызвала экстремальная не подающаяся логическому объяснению ситуация. Все его сознания забуксовали, лишь одно его основное сознание порекомендовало:

«Надо попросить помощь у базы».

«Согласны». – Вторили остальные. Приняв решение, Вей сформировал и направил в метрополию, от которой находился достаточно далеко, запрос. Аппаратура связи сгенерировала закодированный информационный импульс, отправив его в путешествие по вселенной. Сигнал до его родной

планеты будет идти три лерка² и столько же обратно – итого шесть лерков.

«Это значительно увеличит срок моей миссии, – размышлял Вей, – что же мне все это время делать?»

Вспомогательное сознание второго уровня напомнило о необходимости принять процедуру релаксации. Процедура была жизненно необходимая, сознание четвертого уровня поддержало эту рекомендацию и добавило, что к тому времени константа происходящих событий может измениться.

Вею ничего не оставалось, как отправиться в отсек, где располагалась питательная ванна. После релаксации и усвоения необходимых минеральных веществ он почувствовал себя гораздо лучше. Автоматика провела гравитационный массаж его тела. Эта процедура бодрила, и он с удовольствием её принимал. Закончив, отдыхал любуясь звёздами незнакомой галактики, вновь и вновь прокручивал в своем центральном сознании возможные неисправности. Но ничего нового аналитика сознаний не выдавала. Пискнул анализатор звездных систем галактик, активировался он только в случаях обнаружения разумной жизни любого вида, на планетах или иных космических объектах.

«Событие, вероятность которого, крайне мала. Исходя из миллионов мерков исследовательской деятельности цивилизации, случай обнаружения разумных был всего лишь один!» – сознания вновь начали впадать в энергетический

---

² Около одного земного месяца

дисбаланс. Но когда он подкатился к анализатору, уже сумели стабилизироваться.

Тот транслировал невероятную информацию. Если прибор прав, а он прав, то получалось, что звездолёт Вея дрейфует недалеко от звезды класса F – желтого карлика, вокруг которой вращаются несколько планет, на одной из них анализатором обнаружена разумная жизнь.

«Жизнь во вселенной редкость, – пискнуло четвертое сознание Вея, – мне определенно выпадает самая маловероятная и теоретически непредсказуемая линия событий, – решил он».

Ещё раз просмотрел информацию. Да, действительно, анализатор чётко определял наличие биологических форм жизни, но что это за формы жизни – предстояло определить. Вей запрограммировал и направил исследовательский зонд в сторону обнаруженной звёздной системы и с стал ждать результатов исследования. Он ощущал, как это вынужденное ожидание наполняет его силами, появлялась возможность чем-то себя занять, с пользой провести время своего вынужденного бездействия. В нем проснулся исследователь.

Мысли текли легко и ясно. Все системы корабля работали нормально, звездолёт пассивно дрейфовал по пространству галактики, с силовой установкой все осталось по-прежнему – мощности не было. Третье сознание Вея вновь охватили деструктивные мыслеформы. «Стоп! – скомандовало второе сознание. – Так недолго и до дестабилизации всей логиче-

ской системы. Надо еще раз проверить работу систем, но теперь более внимательно отнестись к периферии».

Вей вывел схему питания силовых установок корабля на экран и стал скрупулёзно изучать весь процесс, который проходил в силовых установках звездолета. Рабочее тело, в качестве которого на звездолёте использовался Белетез, являлось очень энергоёмким минералом. Минерал, перед тем как подавался в камеры силовых установок корабля, разлагался на фракции, эти фракции в определённых пропорциях вводились в рабочую камеру маршевых двигателей – происходил колоссальный по силе направленный взрыв, который толкал корабль в нужную сторону. В короткий промежуток времени происходило до тысячи таких взрывов.

«Вот и вся схема, – думал Вей, – так почему же силовые установки не тянут? Сила взрывов в камере маршевого двигателя стала недостаточной?»

Вей быстро ввёл необходимые параметры и в очередной раз впал в стазис. Согласно полученным данным, получалось, что рабочее тело не взрывалось, а просто горело, давая небольшие всплески энергии.

«Как так может быть, чтобы рабочее тело использовалось полностью, а эффект почти нулевой?»

Такая ситуация вызывала серьёзные опасения. Он тут же отправил в метрополию дополнительную информацию о неожиданном эффекте рабочего минерала Белетез. А сам занялся изучением этого поразительного эффекта, загрузив

мобильный научный комплекс имеющимися параметрами.

«Минерал изменил свои свойства! Но почему? Что на него так повлияло?»

Вей поставил задачу аналитическому комплексу по секундам восстановить структуру окружающих звездолёт внешних энергетических космических полей с момента сбоя в маршевых двигателях.

Деструктивные мыслеформы снова одолевали: «Если двигатели не заработают, я останусь здесь на очень долгий срок! Спасательная экспедиция, при самом благоприятном раскладе прибудет не скоро. А если и она здесь застрянет по той же причине...»

В конце концов, самоанализ был посчитан как безрезультатный и он отключил сознания, впад в состояние похожее на сон. Ему вспоминалась родная планета, где он вырос. Центр подготовки, где приходилось проводить много времени, его мегаполис, его группа, его создатель, которого он видел редко, находясь в центре обучения, куда новые особи попадали с рождения, и это считалось великой честью. Вдруг что-то насторожило его главное сознание, что-то он пропустил, что-то очень важное. Вей встрепнулся и задействовал оставшиеся уровни сознания на полную мощность.

Включил модуль анализатора поля, аппарат вошел в рабочий режим. «Почему я не провел подобный анализ раньше?» – подумал Вей. А анализатор показывал целый спектр совершенно новых излучений и полей. Он сопоставил их

структуру с влиянием на топливный минерал Белетез. Когда анализатор выдал результат, что энергетические поля галактики, в которой он находился, нейтрализовали взрывные, энергетические качества Белетеза, делая его просто обычным минералом, Вей на долго погрузился в себя просчитывая вероятностные линии дальнейших событий:

«Зачем я нарушил программу полета? – анализировал себя Вей. – Сознания выдали решение о возможном ускорении исследовательской мисси, путем использования нестандартного маршрута следования. Данная ситуация не просчитанный риск. Но, с другой стороны, обнаружено то, зачем я летел. Аномалии! Остается выработать линию мер по минимизации рисков теоретических вероятностей, но для этого надо глубже изучить вновь открытые поля этой галактики». – И он всеми сознаниями погрузился в выполнение поставленной задачи.

Вей изучал структуру полей, но он никак не мог расшифровать суть их влияния на минерал. От решения этой задачи его оторвал доклад автоматического зонда, вернувшегося из системы, заинтересовавшей его звезды. Из собранной зондом информации следовало, что в системе звезды есть планета, пригодная для жизни и населённая разумными существами, которые называют себя людьми. Люди достигли достаточно высокого уровня развития, вышли в ближний космос, изучали свою звёздную систему с помощью искусственных аппаратов, спутники различного назначения вращались

на орбите вокруг Земли, так люди называли свою планету. Внешне они выглядели очень необычно, но Вей не имел понятия красоты и принимал все как данность, разумная жизнь могла носить самые неожиданные формы, не переставая от этого быть разумной.

«Одно открытие за другим! Здесь не разведывательный звездолёт, а целый научный флот нужен». – Рассуждал Вей, понимая, что теперь его имя впишут в историю космоплавания родной планеты – таких открытий еще никто не делал.

Звездолёт дрейфовал, все дальше углубляясь в звёздные скопления галактики, под действием гравитации, и с этим движением усиливалась напряжённость неизвестного поля. Вей сформировал информационный пакет с докладом о новых открытиях и попытался отправить в родную галактику, но не тут-то было: информация не отправлялась, каналы связи блокировались энергетическими полями галактики.

«Один, – пронеслось во всех сознаниях Вея, – совсем один! – продолжил он размышлять, – надо работать. Без топлива я застряну здесь навсегда», – подумал Вей и вновь с энтузиазмом взялся за разрешение проблемы влияния полей.

Его упорство смогло разрешить проблему, он понял механизм влияния энергетического поля галактики на топливный минерал Белетез. Это исследование являлось уникальным и наполняло Вея конструктивными вибрациями, однако поделиться своим открытием он пока ни с кем не мог. Для возвращения топливному минералу Белетезу энергоемкости

нужен катализатор, которым мог являться минерал, находящийся на обнаруженной им населённой планете. Для того чтобы выбраться из энергетической паутины этой галактики, звездолёту необходимо по крайней мере сто клантов³ руды катализатора.

Появлялась ясность в дальнейших действиях. От планеты Земля он находился не далеко. Грузовой звездолёт и планетарное оборудование для добычи руды у него имелись на борту. Тут Вей снова задумался: «Надо лететь самому, возможность изучить разумную жизнь вряд ли когда-нибудь еще представится!» Но реализация идеи требовала технической подготовки, гравитация на планете Земля очень высокая, Вей там просто бы расплющило, он очень прилично весил. Атмосфера состояла из смеси газов, которой которые частично разлагали его на составляющие элементы, а звезда излучала в различных диапазонах и бомбардировала Землю частицами высоких энергий. Вызывало некое непонимание, как могла появиться жизнь на планете, в такой непосредственной близости от звезды. Вей подсчитал свои технические возможности и приступил к подготовке экспедиции на планету.

Глава 1

Надежда училась на пятом курсе педагогического института в городе Пятигорске. В этом небольшом курортном городке, расположенном в долине меж невысоких гор, нахо-

---

³ Примерно девятьсот двадцать шесть килограмм.

дились горячие целебные источники, давно -притягивающие туристов. Климат мягкий: сказывалась вулканическая активность прошлого. Недалеко пролегал молодой горный хребет, возникший из-за столкновения литосферных плит много миллионов лет назад. Над всем этим великолепием возвышался спящий пятикилометровый вулкан Эльбрус. Этот регион населяли добрые, отзывчивые люди разных национальностей. Основу экономики составлял туризм: люди ехали сюда со всех уголков Земли, чтобы подышать чистым воздухом и набраться здоровья в целебных источниках этого края.

Подходила к концу последняя пара. Надежда с нетерпением поглядывала в окно, за которым буйно вступала в свои права ранняя весна. Наконец занятия закончились. Студенты, как дети, заспешили к выходу из института.

– Ты сейчас куда? – спросила Надежду подруга Вика.

– Пока не знаю.

– Тогда пойдем с нами на проспект? Погуляем, попьем кофейку, поболтаем.

Надежда подумала и согласилась. Институт находился не далеко от проспекта Кирова – гордости Пятигорска. Ухоженный, пересекающий почти весь город, украшенный скульптурами, выложенный узорной плиткой, широкий, уставленный небольшими кафешками и магазинчиками для туристов всегда заполняли жители и гости Пятигорска. По проспекту гулял весь город и все отдыхающие. Надежда вместе с

однокурсниками, весело пересмеиваясь, зашли в ресторанчик, заказали кофе и стали обсуждать предстоящую сдачу дипломных работ, потом погуляли по проспекту, и Надежда, попрощавшись с ребятами, заспешила домой.

Дом, в котором жила семья Надежды, располагался рядом с горой Машук, которая величественно возвышалась над городом. С вершины Машука открывались прекрасные виды на окрестности Пятигорска, а в ясную погоду был виден Эльбрус. Надежда любила подниматься на его вершину, покрытую низкорослыми оригинальными соснами, и подолгу наблюдать за плывущими облаками, отбрасывающими на землю внизу причудливые тени. Погода на вершине Машука менялась часто, и в разное время суток всё вокруг выглядело по-разному. Иногда Надежда поднималась на вершину рано утром и наблюдала завораживающее зрелище: на рассвете город и окрестности заливало розовым светом просыпающегося солнца. Бештау выделялась фоне других гор, являясь самой высокой вершиной района Кавказских Минеральных Вод. Раньше, в недрах этой горы добывали радиоактивную руду, именно для этого у подножья построили поселок Железноводск. Об этом как-то не принято говорить, но теперь это уже ни для кого не секрет.

Надежда жила с мамой, Верой Ивановной, которая её любила и баловала. Надежда это понимала и отвечала взаимностью. Быстро перекусив, принялась за занятия. Зазвонил мобильник, и высветилось имя Артём. Она ответила, впро-

чем, без энтузиазма. Артём давно за ней ухаживал.

– Привет, что делаешь? – послышался его веселый голос.

– Артём, ну что я могу делать? Занимаюсь, готовлюсь к госам.

– Сколько можно заниматься! Ты и так отличница, пойдем в кинотеатр? Там идёт сегодня новый фильм «Железный человек».

– О нет, фантастика – это не моё, я реалистка.

– Реалистка, ну как тебя вытащить из дома!? Если сегодня не хочешь встречаться, давай завтра поднимемся на Бештау, погоду обещают отличную.

Надежда подумала и согласилась, ей нравились виды, открывающиеся с самой высокой вершины их края.

– Отлично, – отреагировал обрадованный Артём, – завтра в девять я за тобой зайду.

Утро выдалось ясным, а настроение, под стать утру, отличное. Надежда подбежала к окну, полюбовалась игрой солнечных зайчиков и пошла в ванную комнату. До назначенного Артёмом часа оставалось совсем немного, а нужно было столько сделать....

Она посмотрела на себя в зеркало: жгучая брюнетка с правильными чертами, большими карими глазами, длинные волосы обрамляли смуглую кожу лица.

«Ладно, краситься не буду, подъём на гору затяжной – косметика потечёт», – приняла решение Надежда и быстро привела себя в порядок.

– Ты куда в такую рань? – спросила мама, входя на кухню.

– Мы сегодня с ребятами решили подняться на Бештау.

Вера Ивановна знала, что отговаривать дочь бесполезно, поэтому примирительно-нейтрально проговорила:

– Смотри, будь осторожна, горы есть горы!

– Хорошо, – поцеловала на ходу мать, и выбежала из квартиры, увидев в окно Артёма.

Артём крайне удивился выходящей навстречу Надежде:

– Ты так быстро собралась! – и попытался поцеловать Надежду.

Она со смехом увернулась. За этой сценой из окна наблюдала Вера Ивановна, Артём ей нравился: серьезный, статный парень.

«И чего надо Надежде? – думала она. – Ладно, разберётся сама, молодая ещё, – и тут же себя поправила. – Молодая не молодая, а уже двадцать один год, в это время я её уже родила!» – махнула рукой и отошла от окна.

Все припасы, конечно, взял Артём, Надежда шла налегке.

«Ну он же мужчина», – думала она. Артём ей нравился и не нравился одновременно: не было в нём романтизма, уж слишком рациональный и приземлённый.

До Железноводска доехали на машине. Артём неплохо справлялся с управлением скромного Хёндая. Машину оставили на стоянке у железнодорожного вокзала: именно отсюда начинался маршрут восхождения на Бештау. Артём, с рюкзаком за плечами, Надежда, налегке, двинулись в путь.

Подъём, сначала пологий, становился всё круче и круче. Пройдя половину маршрута и поднявшись примерно до середины, они сделали привал. Погода радовала, но комары зверствовали. Хорошо, что Надежда, наученная прошлым опытом, взяла с собой мазь, которая теперь очень пригодилась. Артём сбросил рюкзак и подал руку Надежде. Она преодолевала почти отвесный участок. Надежда ухватилась за руку, и Артём мгновенно подтянул её. Неожиданно для себя она оказалась в объятиях Артёма, и тот, пользуясь случаем, её поцеловал.

– Ты что? – вырвалась она. – Напугал!

Передохнули. Было жарко. Кроме них никто не поднимался. Прошли часть горы, заросшую лесом, и теперь перед ними открылась вершина, покрытая ковром альпийского луга. Аромат цветов кружил голову, изумруд травы радовал глаз. Артём снова попытался обнять и поцеловать Надежду, но та со смехом увернулась и стала подниматься к вершине. Разочарованный Артём последовал за ней. Её неприступность его раздражала, сегодня он решил взять эту неприступную крепость штурмом, но пока терпел поражение.

Подъём становился все круче и круче. Вершина, кажущаяся такой близкой, приближалась очень медленно. Над лугом с жужжанием носились пчелы. Надежда не удержалась и стала собирать цветы, а Артём поджидал её на тропе. Вид на окрестности открывался потрясающий. Летнего марева, который размывал и скрывал пейзаж, не было, воздух дрожал

кристальной чистотой и первозданной свежестью. Всё бы хорошо, но вершину портило уродливое строение, закрывающее вход в шахту, где когда-то добывали радиоактивную руду – стратегическое сырьё. Снизу этого строения почти не было видно, но с приближением становилось ясно, что вся вершина обнесена забором и охраняется. Для туристов оставалась лишь небольшая тропка вокруг, чтобы осматривать окрестности.

Преодолев последние метры, наконец, ступили на вершину, где их приветствовал угрюмый охранник, лениво возлежавший на сооружении, похожем на кресло.

– Закурить есть? – спросил он Артёма.

– Нет, вредно для здоровья.

– Может, оно и вредно, а только хочется, – прикрыл голову кепкой и беззаботно продолжил дремать.

Со стороны Эльбруса появились первые белоснежные облака, придавая пейзажу неземную красоту.

– Как здесь необычно, Артём, облака плывут, как белоснежные птицы! – восхищалась Надежда.

– Давай обойдём вокруг и пофотографируем, – предложил в ответ Артём.

– Хорошо, – легко согласилась Надежда.

Артём не был романтиком, ему нравилась Надежда, её внешняя красота привлекала. О её внутреннем мире он как-то не думал. Уж очень ему хотелось во что бы то ни стало соблазнить её. Желание обладать ею было столь велико, что

он произвольно вновь обнял её.

– Ну что ты как маленький, Артём, – но, увидев его глаза, замолкла, – Артём ты здоров?

– Болен, Надежда, давно, как только увидел тебя на первом курсе. С тех пор эта болезнь не проходит, но ты не хочешь замечать меня и относишься как к другим.

– Ну что ты выдумываешь! Я отношусь к тебе как к своему другу.

– Надежда, ну какая дружба между мужчиной и женщиной? Между ними может быть только любовь.

– Ты хочешь сказать, что любишь меня?

– Да, Надежда, я влюблён, безнадежно и безответно.

Артём играл, пытаясь задеть тонкие струны женской души. Но, видимо, эти струны у Надежды были расположены по-другому, она ответила ему довольно резко:

– Ну какая любовь? Я ни тебе и никому другому для этого повода не давала.

– Надежда, ну ты и глупая, повод – это ты сама, твоя красота, твой голос, твои глаза, твои волосы. Какой же повод ещё нужен, чтобы влюбиться?

– Артём, я вижу тебя рядом только как друга.

– А как же взаимность, как же высокое чувство, которое объединяет?

– Я не чувствую к тебе ничего подобного и не могу ответить тем же.

– А ты и не отвечай, ну чем я плох? Что тебе во мне не

нравится? Фигура? Голос? Что?

– Да всё!

– Что, всё не нравится?

– Да нет, не утрируй, всё нравится.

– Тогда я тебя не понимаю, в чём дело? – пытался он её запутать в словах.

– Да ни в чём, Артём.

Разговор стал её раздражать, она флиртовала с парнями, но не более того, не позволяя себе давать им надежду на продолжение отношений.

– Я тебе не давала повода.

– Ну как же, Надежда, а эта прогулка? – цеплялся Артём за ситуацию, как утопающий за соломинку.

– Артём, давай прекратим этот разговор и останемся друзьями, а то мы так далеко зайдем.

– Я готов пойти так далеко, как только можно, я хочу, чтобы ты была моей, моей женой, матерью моих детей.

Всё это время они стояли друг против друга, Артём резко притянул к себе и обнял Надежду, почувствовав через тонкую рубашку прикосновение её упругой груди. Он совсем потерял голову, и его рука невольно скользнула под блузку Надежды. Другой рукой он держал её голову и целовал эти умопомрачительные полные губы. Надежда от неожиданности опешила, но быстро пришла в себя и, почувствовав под блузкой руку Артёма, которая никак не могла справиться с застежкой бюстгальтера, уперлась двумя руками ему в грудь

и со всей силы оттолкнула, забыв, что они стоят на вершине Машука. Вниз из-под ног уходил достаточно крутой склон. Не ожидавший такой реакции Артём, шагнул назад и оступившись закувыркался с обрыва. Глаза и сознание Надежды наполнились ужасом, а Артём, как тряпичная кукла, всё кувыркался вниз по склону горы.

«Помогите», – прошептала она, потом голос прорезался: – Помогите! – закричала она во весь голос.

На крик прибежал охранник.

– Чего орешь?

– Вон... – не в силах говорить показывала она рукой вниз.

Падение Артёма остановилось, и он теперь без движения лежал на склоне в траве.

– Вот тебе раз, – озадаченно проговорил охранник и стал спускаться к лежащему Артёму.

Спуск занял минуты три. Артём улетел вниз не очень далеко, охранник присел над ним, пощупал пульс на шее, перевернул его на спину, нагнулся, приложил ухо к груди, потом поднялся и крикнул:

– Жив!

Артём пошевелился, открыл глаза: перед ними все мельтешило, да ещё и это солнце.

– Не двигайся, надо проверить, всё ли у тебя в порядке. Ничего не сломал?

И тут Артём пришел в полное сознание и всё вспомнил. Увидел охранника, который его ощупывал. Он тупо на него

посмотрел, но не среагировал, сел, голова закружилась, и он вновь чуть не покатился вниз.

– Куда? – схватил его за воротник охранник.

Артём подвигал руками-ногами – вроде всё цело. Поднялся, подал руку охраннику:

– Спасибо вам, – и с чувством пожал, – за мной сигареты, обязательно поднимусь и принесу.

– Да ладно, жив – и то хорошо, – ответил охранник.

Они поднялись, охранник поддерживал Артема, тот слегка шатался.

– Вот ваш ненаглядный спутник, вы с ним поосторожней, а то в следующий раз так легко может не отделаться.

– Спасибо вам, – всхлипывая, поблагодарила Надежда охранника, и тот пошел к себе на пост.

– Ты чуть меня не убила, – накинулся на неё Артём с упреками.

Надежду шокировали эти упреки:

– Я нечаянно, рефлекторно тебя оттолкнула, я не думала, что так получится.

– Ладно, ладно, успокойся, – примирительно проговорил Артём, подходя к ней и пытаясь снова обнять.

– Не прикасайся ко мне, я хочу домой.

– Хорошо, пойдём, что с тобой такое? Подумаешь, обнял.

– Да, обнял, а зачем бюстгальтер расстёгивал?

– Ну ты смешная, из прошлого века прям! А для чего же он еще нужен? Чтобы его расстёгивать и любоваться тем, что

под ним!

– Ну ты и пошляк!

– Да нет, просто тебе нужно быть проще.

– Какой мне быть, я решу сама, меня твоё мнение по этому вопросу не интересует, можешь оставить его при себе.

– Спасибо, уже оставил.

Постепенно они спускались вниз, впечатления от происшествия наверху сглаживались, Артём больше не приставал к Надежде. Они спустились почти до середины горы, осталось преодолеть достаточно крутой спуск, а потом пройти по пологой тропе до самого вокзала. Погода изменилась, отдельные облака превратились в сплошную облачность – в горах погода непредсказуема. Стал накрапывать дождик, превратившийся в ливень. И без того трудная тропинка превратилась в сплошную грязь, сверху полились потоки воды.

– Всё, приехали, дальше идти опасно, нужно переждать непогоду, – тоном, не терпящим возражений, проговорил Артём.

– А может, дойдём, – робко и неуверенно предложила Надежда.

– Можешь идти, если есть желание сломать себе шею, – пресёк её попытку продолжить спуск Артём.

– А вот и подходящее укрытие, – Артём показал пальцем на небольшое строение над выходом горизонтальной штольни, оставшейся от прошлых выработок, таких в горе было много.

– Я боюсь, – вновь стала упираться Надежда.

– Тогда мокни, если хочешь, а я в укрытие.

Тут небо разорвал разряд молнии, и грянул оглушающий гром. Надежда взвизгнула, схватилась за руку Артёма, и они бегом припустились к строению. Вбежав внутрь, отдышались. Надежда не заметила, как сама прижалась к Артёму, а он решил не пугать её: отрицательный опыт он уже получил. Огляделись. Помещение небольшое, но сухое. Оба промокли насквозь и замёрзли.

– Вот бы погреться, – вырвалось у Надежды.

– Сейчас органирую.

Артём набрал сухих веток, которых тут было много, и сложил посредине, затем достал из рюкзака спички и разжёг небольшой костёр. Снаружи бушевала гроза, а у них было уютно и тепло.

– Надо подсушиться, а то простудимся, – предложил Артём.

В Надежде горел огонь противоречия:

– Мне и так хорошо.

– Как хочешь.

Артём стал снимать с себя одежду и развешивать её у костра, который разгорелся и играл языками пламени, отбрасывая призрачные блики по сторонам, и создавая романтическую обстановку. Потом, не торопясь, достал из рюкзака небольшой плед, расстелил у костра и в одних плавках уселся поближе к огню, делая вид, что не обращает внимания на

Надежду. А Надежда никак не могла согреться, её трясло от холода и страха, зубы отбивали чечётку.

– Отвернись, – наконец тихо проговорила она.

Артём отвернулся. Надежда стала снимать промокшие спортивные брюки и блузку.

– Артём, не оборачивайся, дай мне плед, а сам сядь, пожалуйста, на рюкзак.

Артём не стал артачиться, кинул, не глядя, ей плед, в который она тут же закуталась, завязав узел на груди. Потом развесила мокрую одежду у костра и уселась рядом с Артёмом.

– Артём, ты не находишь, что ситуация складывается какая-то романтично-трагическая?

– Про трагическую не скажу, а вот для романтической не хватает только шампанского и бокалов, – говоря это, он повернулся и достал из рюкзака бутылку сухого вина и бутерброды.

– Ничего себе, откуда?

– Открою тебе секрет – из рюкзака, как же можно идти в горы с красивой девушкой без вина!?

– Ты опять начинаешь?

– Да нет, продолжаю. Продолжаю тебя лечить, после такого переохлаждения надо согреться изнутри, и нет ничего лучше вина.

– Ну разве что согреться, – согласилась Надежда и взяла из его рук пластиковый стаканчик с рубиновой жидкостью,

переливающейся в свете костра таинственными тенями.

– За наше неудавшееся путешествие к вершине этой горы, – провозгласил тост Артём.

– Нет, это звучит грустно, лучше за приключения во время путешествия к вершине и обратно.

Артём возражать не стал, они выпили. Надежда сделала один глоток, но Артём уговорил её выпить до дна.

– Иначе не подействует, настаивал он.

Вино разлилось по жилам теплом, в голове зашумело, бутерброды показались самой лучшей едой, которую когда-либо пробовала Надежда, вместе с теплом пришла расслабленность. Артём почувствовал перемену настроения и налил еще по стаканчику.

– За тебя, Наденька.

На этот раз уговаривать её не пришлось. От второго стаканчика Надежде стало очень хорошо и даже жарко, все страхи рассеялись. Она расслабленно привалилась к Артёму. Он осторожно обнял её одной рукой, но реакции не последовало. Тогда он решил действовать дальше: повернулся к лежащей на его плече головке Надежды и поцеловал очень осторожно. Надежда вздрогнула, но не отстранилась. Целуя, он начал гладить плечи, не позволяя себе пока большего. Надежде было хорошо, её бросило в жар, ей нравились поцелуи, а прикосновения Артёма отдавались во всем её молодом теле непонятными ощущениями; сознание постепенно куда-то уплывало.

«Что со мной?» – спрашивала она себя и не могла ответить. Сил остановить Артёма не было, тело уже не повиновалось и разгоралось всё с большей, неизвестной пока Надежде, силой. Артём осторожно справился с узлом на груди, и плед упал на землю, открывая обнажённую грудь. С губ Надежды слетел сладострастный стон, остановить Артёма она уже не могла, да и не хотела, тело ей не повиновалось. А Артём, почувствовав это, уже ласкал ее грудь. Надежду начало потрясывать от напряжения, а стон сам собой вырвался на волю, еще сильнее возбуждая обоих.

«Как же хорошо», – подумала Надежда, когда её пронзила волна сладострастия от прикосновений рук Артёма, нежно скользивших по ее телу, не зная запретных мест. Надежда ничего не слышала и не видела, только какой-то розовый туман, в котором она плыла и плыла. В этот момент земля вздрогнула, у обоих одновременно померкло сознание, и наступила темнота.

Роботизированный планетарный комплекс работал с полной нагрузкой. Роботы загрузили контейнер с рудой, но Вей сам решил доставить его на поверхность по горизонтальному тоннелю, давно кем-то проделанному. Сам он находился впереди контейнера, управляя плазменным буром. Шахта была старой и узкой, бур с лёгкостью расширил тоннель, пробиваясь на поверхность. А вот и поверхность, раскаленный пласт породы разлился в пещере, красновато поблескивая и остывая, плазменный бур погас. Вей вышел из машины, жа-

ра породы он не ощущал, сенсоры его скафандра, стилизованного под обыкновенного человека, в целях маскировки, уловили присутствие биологических форм. Он осмотрелся вокруг и увидел двух разумных существ, которые называли себя людьми. Пласт породы до половины придавил их, высокая температура от горелок опалила тела и слегка запекла.

Вей растерялся: «Неужели я лишил жизни разумных существ этой планеты?»

Все его многоуровневое сознание пришло в состояние подобное стрессу: разумная жизнь для его расы неприкосновенна, и никто не имел права лишать жизни разумное существо, пусть даже оно находилось на другой планете. Как это было сделано – намеренно или нет – неважно, наказание оставалось одинаково строгим.

Почему здесь очутились эти мягкотелые биологические существа, как с ними обращаться, да и живы ли они он не знал.

Вей очнулся, понимая, что не время для анализа последствий его действий, направился к людям, отбросил пласт породы, и увидел, что тела немного разные по строению, отличаются по половым признакам. Это были самец и самка. Это он изучил там на своем корабле, когда готовился к экспедиции сюда. В его планы не входило контактировать с жителями планеты, но знать все необходимую информацию было непременным условием регламента высадки на планету.

Он не знал, что делать, как их лечить и надо-ли это вооб-

ще делать? Его сознания молчали, потому что не могли дать дельного совета.

Вей быстро достал мобильный медицинский комплекс и хотел было уже прикрепить его людям, но его остановило третье сознание.

– Это им не поможет, комплекс создан для Сейме-с, текучих кристаллов, а перед нами девяносто процентов разумной воды, это какие-то амебы?

– Нужно доставить их на корабль и там попробовать восстановить поврежденные органы стационарным репликатором. Три других сознания согласились с центральным и Вей, погрузив людей в грузовой челнок стартовал к кораблю.

Он не знал, как устроены люди, не знал их метаболизма, не знал в каком они состоянии живы или нет? Сам он представлял собой текучий кристалл, и даже не имел визуального зрения, все информацию воспринимал в волновом диапазоне. Пока летел ввел задание аналитическому комплексу проработать вопрос и собрать информацию о структуре и строении людей, населяющих планету Земля. Прибыв на корабль, избавился от неудобного скафандра принял привычную форму шара и покатился за платформой с людьми в восстановительный центр. Такого понятия как медицина у его расы не было, особи его вида никогда не болели. А если какие-то кристаллические цепи повреждались, под механическими воздействиями их просто восстанавливали, или дублировали.

Информация, собранная аналитической системой, говорила только об одном, что он ничего не сможет сделать для этих людей, они другие. Никаких эмоций при этом он не испытывал, его вид не был наделен эмоциональностью, но зато все с лихвой компенсировалось логикой и целесообразностью.

Логика говорила, что помочь людям нельзя, а целесообразность требовала сделать это. Но как?

«Собранные данные говорят о том, что люди перестанут существовать безвозвратно в течении двадцати перков⁴, и мы не сможем сделать дубликаты если не поторопимся». – Центральное сознание, сдвинуло Вея с точки зависания и созерцания и поливариантности.

Платформа с людьми левитировала над восстановительной установкой представляющую собой емкость с наполненную универсальными элементами и нанороботами восстановителями.

Вей вводил программу восстановления учитывая данные собранные аналитической системой корабля. Наконец закончил, и активировал комплекс на выполнение полного цикла восстановления инопланетной жизни.

Платформа с телами людей погрузились в субстанцию бликующую серебристым металлом и забурила, процесс восстановления пошел.

Аналитическая система выдала рекомендации о том, что

---

⁴ Один перк – пятьдесят четыре целых и девять десятых секунды.

людей нужно вернуть на планету как можно быстрее, иначе их начнут искать и обнаружат разработки по добыче руды.

Второе сознание рекомендовало максимально ускорить восстановительный процесс. Первое анализировало вероятностную модель ситуации, которая может возникнуть. Получалось, что самым логичным являлось возвращение людей в пещеру, без воспоминаний о произошедшей катастрофе. Просто произошел разряд атмосферной энергетической нестабильности. Вей согласился с такой моделью и максимально ускорил процесс.

– Нельзя допустить обнаружение добычи руды, если люди задержатся надолго на корабле, то их начнут искать и наткнутся на мои разработки.

«У меня максимум шесть леков (часов), – анализировал Вей, – я успею».

Вей тщательно проконтролировал все операции и, удостоверившись, что процесс регенерации успешно инициирован, переключился на текущие дела. Однако его не покидала мысль: «Реликтовая планета, разумный биологический вид, обитающий на ней... Случайно ли это?» – сейчас он задавался им как исследователь. На этот риторический вопрос, и ответа не было: вселенная велика, и в ней может случиться всякое.

«Мне удалось попасть в минимум инвариантности линии событий, где сошлись все факторы для того что происходит сейчас. Люди, они настолько отличны от нас, Сейме-с, а с

другой стороны, разве может во вселенной быть всё одинаковым? Не может, конечно, – рассуждал Вей, – атомы соединяются самым причудливым образом, создавая при этом необычные внешние формы с самым неожиданным содержанием, только одно объединяет эти причудливые формы – сознание, разум».

Автоматика звездолёта уже разгрузила контейнер и переработала руду. Вей находился в восстановительном центре, платформа с людьми левитировала над емкостью, а Вей очень внимательно, рассматривал людей. Различия налицо: женщина гораздо утонченнее мужчины, линии тела мягкие, формы округлые, волосы длинные.

Разглядывал? Да, Вей образовал себе сенсоры для восприятия волнового спектра, визуального видения, как у людей, и теперь увидел мир таким каким его видят люди – страшно ограниченным, несущим ложную информацию. Они видели его не таким какой он есть на самом деле, а таким как отображал его их биологический мозг. А он все показывал преувеличенно красиво. Красота – это тоже понятие, которым Сейме-с не оперировали. Поэтому Вей постигал для себя новое видение мира – ограниченными органами чувств людей.

Тело нефункциональное, незащищенное, имелась масса ненужных деталей.

«Зачем им волосы? Наверное, атавизм. Многие детали тела в процессе дальнейшей эволюции отомрут. Почему бы им не создать себе нормальные крепкие тела?»

Вей давно находился один, кроме сеансов связи с метрополией, никаких контактов, и тут ему подбросило идею четвертое сознание, которую центральное сознание признало оригинальной, а он согласился и принялся реализовывать. Время нахождения людей на звездолёте Вея заканчивалось, пора их возвращать. Вей переместил людей в транспортный модуль, проверил все параметры деятельности их организма, удостоверившись, что всё функционирует идеально, стартовал к планете Земля. Теперь он не мог их бросить, предстояло проконтролировать как они поведут себя в своей естественной среде, будучи по сути дела уже не людьми.

Надежда открыла глаза и уставилась в каменный свод, не понимая, где находится, потом осторожно окинула всё вокруг тревожным взглядом, увидела рядом с собой обнажённое тело Артёма, вскрикнула. Тот очнулся от крика, вздрогнул и поднял голову.

– Что за чёрт, где мы? – его взгляд уперся в обнаженное тело Надежды, та проследила за его взглядом и рефлекторно одной рукой прикрыла низ живота, а другой грудь, на щеках выступил стыдливый румянец.

– Хватит паяться! Не видел обнаженных девушек? И вообще, почему мы голые, где наша одежда?

– Почему мы голые – понятно, а наша одежда сушится у костра, – говоря это, Артём повернулся к тому месту, где был костер, и, кроме оплавленных камней, ничего не увидел.

– Ничего себе! Это наш костёрчик расплавил здесь всё?

– Смотри, Артём, какие глыбы кругом валяются.

– Да, ты права, пока мы спали, здесь, наверное, произошло землетрясение.

– А почему мы уснули?

– Наденька, ты что, ничего не помнишь? Ты стала моей.

– Твоей? Я что, вещь?

– Не вещь, конечно, а моя девушка.

– Ты что со мной сделал?

– Ну не я один, мы вместе.

Договорить Артём не успел, Надежда кинулась к нему с кулаками, молотя по его обнажённой груди, кричала:

– Ты меня напоил и воспользовался ситуацией.

– Да успокойся ты, – прикрикнул на нее Артём, – вспомни, как было дело.

Надежда вспомнила и внутренне вздрогнула, её поведение нельзя было назвать целомудренным.

– Ну и что, – твердила она, – напоил и соблазнил.

– Надежда, хватит истерики, посмотри, уже начинает темнеть, надо как-то отсюда выбираться.

Она замолчала, всхлипывая. Обида и горечь захлёстывали, но, действительно, надо было как-то выбираться, одежды нет, голыми идти не хотелось. Артём копался у того места, где находилась одежда.

– Нашёл, – крикнул он, – нашёл ключи от машины, – показывая Надежде обгоревший кусок ключа.

– Ты думаешь, заведётся?

– Думаю, да, пойдём, поищем что-нибудь, чтобы хоть как-то прикрыться.

Надежда спорить не стала, дождик и гроза кончились, с листьями скатывались капли и падали на обнажённое тело Надежды, заставляя её вздрагивать. Мусора вокруг валялось достаточно, но чего-то стоящего, что можно было бы использовать как элементы одежды, не находилось. Бумага и картон размокли.

– Ничего нет подходящего, а у тебя как? – крикнул Артём.

– У меня тоже ничего.

– Эй, аборигены, вы чего здесь голые лазаете?

Надежда от неожиданности вскрикнула и спряталась за дерево. Артём обрадовался, пошел навстречу, прикрыв рукой гениталии.

– Привет, спаситель, ты вовремя! Понимаешь, грелись у костра, отвлеклись – и вся одежда сгорела.

Перед Артёмом стоял атлетически сложенный, высокий молодой человек. Улыбаясь, он ответил:

– Бывает, чем могу помочь?

– У тебя никакой одежды нет?

– Одежда? – Парень явно растерялся, и вопросительно смотрел на Артема.

– Ты что, прикалываешься? Одежда, штаны платье, он показал на брюки рубашку парня.

– А вас интересует ткань? Вам нужна ткань? Сейчас посмотрю.

Артем посмотрел на Надежду показал на парня и pokrutyл у виска пальцем. А тот открыл рюкзак, вытащил кусок материи, шорты и футболку, подал Артёму.

– Вот, больше материи нет.

– Отлично, спаситель, а больше ничего и не надо, – бросил кусок материала Надежде, а сам надел шорты и майку. – Слегка великоваты, но это лучше, чем ничего, – резюмировал Артём.

Из-за дерева показалась Надежда, завернутая куском доставшейся ей материи.

– Тебе идёт, – одобрил Артём.

– Идёт? Кто идет? – начал задавать вопросы парень.

– Идет значит хорошо сидит на ней красиво.

– Но материя не может идти.

– О да ты совсем плох! Откуда к нам приехал.

– Оттуда, – неопределенно махнул парень рукой.

– Надь, аккуратней, даун какой-то!

– Да эта материя закрывает вас совсем неплохо, – запоздало подтвердил незнакомец. – Но вам она вообще не требуется.

Надежда смущённо покраснела. Артём повернулся к парню:

– Ну ты поаккуратней в выражениях это моя девушка. А то не посмотрю, что спаситель. Ладно, давай знакомиться. Меня зовут Артём, а это моя девушка, Надежда, мы местные жители.

– А разве можно владеть живым разумным существом?
Надежда вскинулась, подходя к ним:

– Артём, прекрати представлять меня как вещь, – и повернувшись к парню, сказала, – это его фантазии, я не чья-то девушка, я девушка сама по себе. – Посмотрела на парня, подумала и добавила, – ну, в общем, как-то так.

– Меня зовут Михаил, так значит он не владеет тобой?

– Михаил я владею собой сама.

– Да, тут ты права, – пожимая руку Михаила, проговорил Артём.

Надежда тоже подала руку Михаилу, и тот пожал её в ответ. Она взглянула в его совершенно голубые и какие-то неживые глаза с тёмными, как окуляры камеры, зрачками и от чего-то внутренне вздрогнула.

– Вот и познакомились, пора идти, темнеет.

– Согласен, Артём, пора, – и Михаил первым пошёл по тропе. Тропа шла под уклон, Михаил набрал приличную скорость.

– Не так быстро, Михаил, мы же без обуви.

– Хорошо, понял, – сбавляя шаг, откликнулся тот.

Тропа постепенно расширилась, и можно было идти втроём.

– Михаил, а где ты остановился? – спросила Надежда.

Михаил ответил не сразу, со стороны казалось, что он думает, как ответить.

– Я пока нигде не остановился, прилетел – и сразу на по-

корения Бештау.

– Понятно, – неопределенно протянула Надежда.

– Михаил, а можно мы тебя для краткости общения будем называть Майклом? – поинтересовался Артём.

– Можно, – после некоторого раздумья разрешил Михаил.

– Ну вот, – весело продолжил Артём, – ты нас спас, теперь мы твои друзья, а дружбу надо закрепить общей пирушкой за дружественным столом, сейчас дойдём, переоденемся, примем горячий душ, а потом в ресторан. Ты как, Надежда, поддерживаешь?

– Я пока не знаю, столько всего произошло, там будет видно.

– Вот так всегда, Майкл, женщина – сплошная загадка, сотканная из противоречий, чаще всего не знающая сама, чего хочет.

– Хватит подкалывать, Артём, – возмутилась Надежда, – на носу государственные экзамены, а ты в ресторан.

– Одно другому, Надежда, не мешает, а лишь дополняет.

Так, переговариваясь, они дошли до железнодорожной станции, где была припаркована машина Артёма.

– А вот и наша красавица, ждёт нас, – обрадовано заговорил Артём, доставая огрызок ключа.

Странно, но как только Артём вставил его в дверцу машины, та открылась. Окрылённый таким успехом он уселся за руль и вставил ключ в замок зажигания, но как ни старался повернуть огрызок ключа в замке зажигания, сделать этого

не смог, что-то заело. Он вылез и понуро опёрся на капот.

– Не могу завести.

– Можно мне попробовать? – спросил Майкл.

– Попробуй, конечно, но глухой номер.

Майкл сел за руль, Надежда внимательно за ним наблюдала, осмотрелся так, как будто видит это всё в первый раз, покрутил руль, и, о чудо, машина завелась.

– Ну ты волшебник, – подскочил к нему обрадованный Артём, – давайте, занимайте места согласно купленным билетам.

– А где мое место? – очень серьёзно спросил Майкл.

– Твоё место, как спасителя, самое почётное, рядом со мной.

Майкл невозмутимо сел впереди. Надежда обеспокоенно смотрела на него.

– Как ты это сделал, Майкл? Как завёл машину? Ты даже не прикоснулся к замку зажигания!

– Не волнуйтесь, Надежда, очень просто, силой мысли, я потом научу.

Артём засмеялся:

– Хватит выдумывать, садись, поехали.

Надежда, понимая, что права, но доказать свою правоту не может, резко открыла дверь и уселась на заднее сиденье.

– Итак, друзья, пристегните ремни, наш путь лежит в славный город Пятигорск, – балагурил Артём, трогаясь с места.

– Балагур, не забудь, что у тебя нет прав, – остановила

веселье Артёма Надежда.

– Умеешь ты, Наденька, поднять настроение, – пессимистично ответил Артём, – ни прав, ни тем более денег действительно нет, сгорели. Но это ничего не меняет, ехать-то надо, пробьёмся как-нибудь.

– Вот-вот, как-нибудь, авось – в этом ты весь, никакой серьёзности, всё легко и просто, так не бывает.

– Не хочешь ехать – иди пешком, – разозлился Артём. – Достала своим нытьём.

Надежда открыла дверь и вышла, сказав на прощанье:

– Артём, если что-то и было там, у костра, то всё сгорело, я тебя больше не знаю, не звони и не подходи ко мне.

– Да пожалуйста, больно надо, я найду лучше, а ты ещё пожалеешь, – и тронулся с места.

Надежда осталась на парковке, глядя вслед машине со слезами обиды на глазах. Как только машина тронулась, безучастно молчавший всё это время Майкл заговорил:

– Останови, я тоже выйду.

– Ничего с ней не случится, – зло ответил Артём, – достала.

– Останови машину.

Артём резко затормозил.

– Иди, утешь её еще раз.

Майкл равнодушно на него посмотрел, ничего не сказал и вышел. У Артёма осталось чувство, что он разговаривал не с человеком, а с манекеном, потрянул головой, прогоняя

наваждение, включил скорость и поехал в сторону Пятигорска, увидев в зеркале заднего вида, как Майкл подходил к Надежде. Где-то внутри колыхнулась тёмная волна ревности и растаяла.

Надежда растерянно стояла на остановке, не зная, что делать. Было слишком много пережито за день. И эта близость с Артёмом...

«Главное, ничего не помню, – думала она, – что теперь делать? Как добираться домой?»

Тут машина Артёма взвизгнула тормозами и остановилась.

«Одумался, – злорадно подумала она, – сейчас будет просить прощения и уговаривать сесть в машину».

Из машины вышел Майкл и направился к ней. Обманутая в своих ожиданиях она разочарованно отвернулась.

«А он ничего себе, симпатичный», – отметила она между делом.

Майкл подошёл.

– Я принял решение остаться, что нужно делать?

Она всплеснула руками:

– Я совсем забыла, во что одета, спасибо, Майкл. Как вы меня будете спасать?

– Спасать? От чего? Или кого?

– Майкл, ну что вы на самом деле! Это фигуральное выражение! Как вы собираетесь меня отвезти домой?

– Не знаю, я ещё об этом не думал.

– Странный ты, Майкл, как ребёнок, возьми такси.

– А где оно?

Надежда удивлённо на него смотрела.

– Да вон, с шашечками. Стой, я сама, – раздумала она посылать Майкла и махнула рукой.

Измаявшийся без работы таксист лихо подрулил и тормознул около них.

– Куда едем? – бодро спросил он.

– В Пятигорск, – ответила Надежда.

– Пятигорск большой, куда конкретно?

– К санаторию «Тарханы».

– Вот, теперь всё понятно, тысяча рублей.

Надежда повернулась к Майклу:

– У тебя есть тысяча рублей?

– Не знаю, вот, посмотри, – и достал пачку тысячерублёвых банкнот.

Надежда взяла одну, помахала ей перед носом водителя.

– Поехали, – бросила она водителю, садясь с Майклом на заднее сиденье.

Тот, увидев банкноту, больше ни на что не обращал внимания, тронулся с места и поехал в сторону Пятигорска: магия денег для него была абсолютной.

В машине странное поведение Майкла отошло на второй план. Её голову всецело занял анализ произошедшего с Артёмом. Надежда занималась моральным мазохизмом, ругая себя на чём свет стоит.

«Как я могла ему отдаться в какой-то пещере, без удобств, в грязи? – от таких мыслей ей самой становилось от себя противно. – Зачем тогда берегла свою девственность? Ведь мечтала, чтобы всё было красиво: свадьба, путешествие, личный подарок мужу, моя девственность, символизирующая мою супружескую верность в будущем. Теперь всё, мечты растоптаны, там, в этой пещере. И зачем я, дура, согласилась на это восхождение с Артёмом, ведь он мне и не очень нравился? Так, проводила время, а о сексе с ним вообще не думала и, на тебе, вляпалась. А если забеременею, вот будет номер, что я скажу маме? Стоп, о беременности рано, а почему крови не было? Ведь после первого любовного акта должна быть кровь. Крови точно не было, а контакт у меня был первый. Первый? А может, и не было, так, почудилось? – вновь задалась она вопросом. – Ничего себе, почудилось! Меня так захватило, что я чуть сама его не изнасиловала, что со мной вообще было!? Наваждение какое-то, ну у меня и темперамент, теперь буду знать!»

– Девушка, санаторий «Тарханы», – оторвал её от размышлений таксист.

– Вон у того дома остановитесь, – показала она рукой, взгляд упал на безучастно сидевшего и всю дорогу молчавшего Майкла.

«Тактичный», – подумала она.

– Майкл, я доехала, спасибо тебе за наше спасение, может, ещё когда-нибудь увидимся.

Он молчал, потом вышел из машины и помог выйти ей.

– Возможно, Надежда, что когда-нибудь увидимся, но вероятность этого очень мала, общение с вами было для меня весьма познавательным, хотя я многого не понял, вы довольно сложные.

– Майкл, ты говоришь весьма странные слова. Не бойсь, Земля маленькая – встретимся.

– На Земле такая возможность высока, а во вселенной практически равна нулю.

– Какой ты необычный и говоришь загадками, но мне пора, пока, – и побежала к подъезду своего дома, где через несколько секунд скрылась.

Подбежала к квартире, нажала кнопку звонка. Защёлкнул замок, дверь открылась, и на лестничную площадку выбежала Вера Ивановна. Она обняла Надежду причитая:

– Что случилось, где была, почему так одета?

– Да всё нормально, не волнуйся.

– Ничего себе не волнуйся! Пришла, завёрнутая в какую-то тряпку, а под ней голая, где Артём?

– Мы попали в грозу, я сейчас приму ванну и всё тебе расскажу, – и быстро проскользнула в квартиру скрывшись в ванной комнате.

Вера Ивановна обеспокоенно прошла по квартире, подняла покрывало, в которое была завернута её дочь. Такого она никогда не видела: ткань как бы перетекала из одного цвета в другой, завораживая взгляд. Наконец она оторвалась от

этого волшебного действа и подошла к окну. Перед домом стоял красивый, высокий, атлетически сложенный парень и смотрел на окна их дома. Из ванны вышла повеселевшая Надежда.

– Ты что там рассматриваешь?

– Да вон, смотри, какой-то парень, кого-то ищет, наверное, а может быть ждет.

– Нет, мам, не ищет, это мой спаситель, он сейчас уйдёт.

– Ну ты и стерва, Надежда, человек тебя спас, а ты хоть бы чаем его напоила, – в сердцах выговорила она дочери, повернулась и пошла к двери, спустилась вниз, выбежала на улицу.

Парень уже заходил за угол дома, но Вера Ивановна успела его остановить:

– Молодой человек!

Тот оглянулся, она замахала ему рукой и подошла ближе.

– Здравствуйте, я мама Надежды, меня зовут Вера Ивановна, приношу вам свои извинения за мою неразумную дочь, которая вас не пригласила к нам и не напоила чаем.

– Здравствуйте, Вера Ивановна, меня зовут Михаил, друзья называют Майклом. Не стоит извинений, каждое разумное существо во вселенной протянет руку помощи другому разумному существу, попавшему в трудную ситуацию.

– Как необычно вы выразились, и всё же, я хочу исправить эту неловкость и приглашаю к нам на чай.

– А Надежда не будет против?

– Это не имеет значения, будет она против или нет, это я вас приглашаю, и вы мой гость, – взяла его за руку, как маленького, и повела за собой.

Надежда стояла у окна и наблюдала за этой сценой. Когда мама взяла за руку Майкла и повела к подъезду, её сердечко остановилось, потом стало биться через раз и вдруг застучало, как сумасшедшее, пробуждая её к действию. Она кинулась одеваться: второй раз обнажённой перед Майклом ей показываться не хотелось. Успела натянуть на себя облегающее алое платье, надеть нижнее бельё времени не хватило. В прихожей звучал голос вернувшейся мамы:

– Проходи, Майкл, в зал, вещи оставь в прихожей, вот здесь, их никто не возьмет, давай куртку, я повешу сама.

В зал вошел Майкл, за ним мама. Надежда взволнованно стояла посредине, выделяясь алым пятном, стройная, красивая, эффектная.

– Это снова я Надежда, Вера Ивановна пригласила меня.

– Хватит извиняться перед этой гордячкой, вы мой, а не её гость. Что стоишь, как статуя, – обратилась она к дочери, – садись, и ты, Майкл, тоже садись. Я хочу, наконец, услышать всё, что там у вас на Бештау случилось.

Надежда мгновенно покраснела, представив рассказ Майкла с нежелательными подробностями и поспешила рассказать историю случившегося в своей облегчённой интерпретации. Слушая её, Вера Ивановна даже всплакнула, а по окончании обняла Майкла:

– Спасибо за спасение этого неблагодарного существа! Так вы не местный и вам негде остановиться?

– Я как раз над этим думал, когда вы меня пригласили к себе.

– Думать больше не надо, остановишься у нас, – тоном, не терпящим возражений, говорила Вера Ивановна, – располагайтесь в Надеждиной комнате, а Надежда поживет в моей. Теперь, мыть руки и за стол! Надежда, покажи гостю ванну и его апартаменты.

– Хорошо, – недовольно буркнула Надежда.

Глава 2

Вей – попал в сложную ситуацию, и теперь не знал, как из неё выпутаться. Он полагал, что выбранная линия событий, изучить аборигенное население планеты Земля поближе, внедрившись в их социальную среду, нецелесообразна. В тот момент, когда он восстанавливал людей у себя на звездолёте, идея казалась очень привлекательной. Вей создал скафандр, в точности копирующий мужскую особь, имитировал тщательно спланированное появление у входа в тоннель на горе. Но одну проблему решить не мог, он не знал всех тонкостей поведения людей, их психологию, мотивацию поступков, да много чего. Ему требовалось время на принятие решений и ответы на вопросы при непосредственном общении, которые были для него сложнее навигационных карт звездных скоплений. Его сознания не могли адекватно обработать и быстро реагировать на возникающие ситуации, ибо порой

они были весьма нелогичны. Поэтому он постоянно запаздывал с ответами, или вовсе отвечал невпопад, принимая образные выражения людей за буквальное толкование.

«Я так долго не продержусь, – анализировало ситуацию четвертое сознание, – Надежда уже посматривает на меня с недоумением. – Идет эксперимент внедрения в человеческую среду, не все безупречно, ну люди приняли меня. Идет накопление ситуационного материала, дальше будет легче. Нельзя бросать такую уникальную возможность изучить цивилизацию, – делало вывод основное сознание, и Вей его слушал».

Надежда... Это из-за неё начала сбоить логика сознаний. Что-то в ней задело его, вернее, какие-то его внутренние структуры, которые до этого не давали о себе знать, а теперь словно вибрировали, когда Надежда была рядом. Но какие?

Вей размышлял всем своим многоуровневым сознанием. Он изучил мужскую и женскую физиологию и хорошо понимал, на чём она основана. Люди созданы очень гармонично и функционально для своей среды обитания на планете, но это только физиология. Работа коллоидного биологического мозга не поддавалась расшифровке, потому что была основана на принципах нейронного взаимодействия биологических клеток, а не кристаллических структур.

Во время чаепития Вера Ивановна неспешно рассказывала о городе.

– Мне что-то и спать не хочется, – вдруг сказала Надежда.

– Ну какой сон. Время только восемь часов вечера, – согласилась с ней Вера Ивановна, обе посмотрели на задумавшегося Михаила.

Из задумчивости Вея вывел голос Надежды:

– Ну что, рыцарь, теперь вы приобрели статус гостя, и я приглашаю вас на экскурсию по славному городу Пятигорску.

– Соглашайся, Майкл, пусть покажет наш город, – выступила на стороне дочери Вера Ивановна.

– Хорошо, я согласен.

Они вышли из подъезда.

– Майкл, ты никогда не был в Пятигорске? – спросила Надежда.

– Никогда, – совершенно искренне ответил Майкл и хотел добавить, что и на Земле он впервые, но сдержался.

– Тогда начнем с домика Лермонтова, он перед тобой, – и шутливо пересказала ему творческую биографию поэта, упомянув, что он приезжал в Пятигорск лечиться.

– Лечиться? – переспросил Майкл.

– Ну да, у нас целебные источники, вот сейчас пойдём к провалу, ты всё увидишь. Тут кругом санатории, которые лечат термальной водой, грязью, ну и воздухом.

Майкл впитывал информацию, как губка. Для него это было откровением.

– А что такое писатель?

Надежда снова посмотрела на него с недоумением. Вей

понял, что в очередной раз попал впросак.

– Странно, что ты не знаешь, на дебила ты вроде не похож. Ну ладно, рыцарь, буду любезной до конца, – и начала рассказывать кто такие писатели и поэты и что они делают, а потом начала читать произведения Лермонтова наизусть.

Декламировала она неплохо, её голос завораживал, стихотворные строки обволакивали. Вей чувствовал себя в другом измерении. Она закончила, а он был под впечатлением. Только вод одна проблема у вообще не знал понятия творчества, и был страшно далек от этого, так же, как и его раса. Его сознания анализировали информацию и находили ее алогичной, непонятной. Усвоив два понятия решил сказать, что ни будь приятное.

– Почему о вас никто не знает? Такое искусство!

– О ком о нас, и кто не знает?

Вей снова попал в ловушку своего непонимания действительности. И решил оттянуть время ответа, врать он не умел, а правда была слишком невероятной.

– Отвечу чуть позже, но сначала скажи, кто такой дебил?

– Ну ты даёшь, дебил – это человек, который очень буквально всё воспринимает и мало знает.

– Понятно, невежественный, то есть.

– Ну, в общем, да.

– Тогда ты тоже дебил.

– Это еще почему? – вскинулась она.

– Ты вряд ли сможешь доказать теорию напряжённости

квантового поля в гравитационных колодцах чёрных дыр.

– Каких дыр?

– Чёрных. На Земле этого никто не сможет доказать.

– А ты сможешь?

– Легко, вот, смотри, – он взял ветку и стал чертить, – смотри, вектор напряжённости стабилизирует гравитоны, благодаря которым чёрные дыры и существуют, – описал он небольшой чертеж на земле.

– Ничего себе, ты точно ненормальный. Я ошиблась: ты не debil, ты ботан, то есть слишком умный.

– Я бы не сказал, у меня развитие сознания чуть выше среднего.

Они подошли к провалу.

– А вот и знаменитый Пятигорский провал.

– Чем он знаменит?

– Ну как же, видишь скульптуру?

– Ну да.

– Это вымышленный литературный герой Остап Бендер, – и вкратце пересказала сюжет романа «Двенадцать стульев».

– Вы такие сентиментальные!

– Кто вы?

– Люди!

– А ты что, не человек? – уставилась на него Надежда.

Вей взял её за руку. По руке текли тончайшие токи страха. Он слегка изменил частоту их вибраций, и Надежда успокоилась.

– Давай поговорим об этом спокойно, не торопясь.

– Хорошо, – легко согласилась Надежда, – пойдём вон в то кафе?

– Пойдём, – согласился Вей.

В кафе не было посетителей. Они уселись за столик, подошёл официант:

– Что будете заказывать?

– Я бы выпила бокал красного вина, а ты что будешь? – Надежда посмотрела глазами, наполненными любопытства, на Вея.

– Закажи что-нибудь на свой вкус.

Надежда заказала еще бокал вина и кофе. Официант ушёл выполнять заказ.

– Ну, Майкл, или не Майкл? Я тебя слушаю.

– Откуда ты узнала, что я не Майкл?

– Предположила, – улыбнулась она.

– Моё настоящее имя приблизительно переводится на ваш язык как Вей, я с планеты Артроникс, шаровидной галактики Медиос, на Земле оказался совершенно случайно: отказали маршевые двигатели, пришлось погасить крейсерскую скорость и заняться ремонтом. Детали повреждений тебя вряд ли интересуют...

– Но почему же! Всё, что касается космоса, нам, людям, очень интересно! С момента выхода в космос мы стремимся к контакту с братьями по разуму. – Пытаясь скрыть смех, издевалась Надежда.

– Хорошо. В вашей галактике другая частота вибраций вакуума, которая разлагает энергетическую мощность топливного минерала. Для продолжения полёта мне необходим катализатор, которым является руда в той горе Бештау.

Надежда смотрела на него округлившимися глазами, в которых пока плескалось только любопытство и сарказм, она не верила ему, но решила подыгрывать и дальше.

– Теперь понятно, почему ты там появился, – всплеснула руками Надежда.

– Да, я сразу увидел вас, придавленных и обгоревших.

Глаза Надежды расширились.

– Но ведь мы живы.

– Конечно. Не перебивай, дослушай. Вас задели передние горелки моего горнодобывающего комплекса, я оказал вам первую помощь. Потом забрал на звездолёт и там провел регенерацию-дубликацию всех тканей. После доставил обратно и предстал перед вами, как Майкл. А дальше ты всё знаешь.

Теперь она смотрела на него со страхом, вспоминая все странности его поведения, которые косвенно подтверждали его рассказ. Наконец она обрела дар речи.

– Ничего себе, инопланетянин, – прошептала Надежда, глядя на него широко открытыми глазами, – я шокирована! Вот так просто сижу, пью с космическим существом! А может, ты всё выдумал, нафантазировал? Вид у тебя вполне человеческий, – она произносила слова, но сама себе не вери-

ла.

– Только внешний вид. Я придал скафандру человеческий облик, чтобы не испугать вас – людей.

– А как же ты выглядишь без скафандра?

– Я не могу находиться на вашей планете без скафандра: слишком высокая гравитация и токсичность атмосферы. Моя внешность тебе и вовсе не понравится. Функционирование моего тела основано на иных принципах.

– И сколько времени ты пробудешь на Земле?

– Пока не добуду достаточного количества руды. Может, месяц, а может, год. Я уже начал рассматривать цепочку событий при которых останусь в вашей галактике навсегда, но выход нашелся.

– Ты чувствуешь вкус вина, Вей? – внезапно спросила Надежда, пригубив из своего бокала.

– Нет, я знаю его химический состав. Эта жидкость не подходит для моего организма.

– Наверное, очень скучно всё разлагать на фракции и никогда не почувствовать запахов солнца и света, которыми благоухает это вино. Оно ведь сделано из солнечных ягод, называемых виноградом.

– Запах солнца? Как такое может быть? Мне трудно это представить.

– Вей, это образные выражения, как в поэзии.

– Пока мне этого не понять, мы мыслим рациональными, точными категориями.

– Это, должно быть, очень утомительно!?

– Что значит утомительно и скучно, Надежда?

– Скучно – это когда ничего не хочется делать, ничто тебя не радует, сплошная обыденность, монотонность.

– Как странно ты говоришь, это больше похоже на стабильность.

– Мы такие разные, Вей, ты ничего не знаешь о нашей жизни, почему ты открылся мне?

– Очень просто. Ты вызываешь во мне отклик.

– Как же это, мы же разные, Вей?

– Физиология не играет роли в этом аспекте. Я имею в виду твои энергетические вибрации, у вас это может называться душой или духовным миром, твоё внутреннее содержание, они входят в резонанс с моими энергетическими кластерами и...

Тут их разговор был прерван объявлением о том, что начинает работать инструментальный ансамбль, первая песня исполняется для первых посетителей. Вей взглянул на Надежду вопросительно.

– Это для нас, – ответила она на его немой вопрос.

Зазвучала музыка, наполненная грустью о чём-то далёком; в ней слышался шум ветра и шёпот волн, а Вей слышал шорохи вселенной и разговор планет между собой. Мелодия будила воспоминания о его родной звездной системе. Солист взял первые ноты, в такт музыке полилась песня.

– Что это, Надежда?

– Это музыка называется блюз, очень древнее направление в музыке, основное содержание которого – тоска по родине. Пойдём, потанцуем.

– Я не знаю, как это делается.

– Я научу, – настаивала Надежда, вставая.

Вей тоже встал. Надежда взяла его руки и положила себе на талию, а свои положила ему на плечи.

– А теперь двигайся, не торопясь, в такт музыке.

Через минуту Вей усвоил незатейливую технику танца. Ему было это было крайне необычно, как тогда, когда он лично отправился осматривать силовую установку. От Надежды шла какая-то особенная, внутренняя энергетика, затрагивающая и преобразующая его кластеры сознания и управления логикой. Это было необъяснимо, но противодействовать этому процессу Вей не стал.

Музыка закончилась, солист поблагодарил их за танец, они вернулись к столику, но очарование мелодии не проходило. Оно как бы продолжало витать за их столиком, создавая атмосферу внутренней близости, которую никто из них не хотел нарушать словом.

Надежда накрыла руку Вея своей, посмотрела в глаза.

– Ты совсем как живой, даже рука тёплая.

– Да я и есть живой, только внутри, а скафандр копирует все внешние параметры человека.

Надежда не чувствовала к Вею отвращения, не чувствовала внутреннего дискомфорта. Наоборот, проникалась всё

большей симпатией, что-то тянуло ее к нему, необъяснимое, но сильное и теплое.

– Глядя на тебя, Вей, не могу поверить, что ты инопланетянин, ну, чудаковат немножко, а так – обычный парень.

– Я понял, ты хочешь доказательств?

– Да, хотелось бы увидеть подтверждение твоих слов.

– Вы, люди, все такие недоверчивые?

– В общем, да.

– Ну что ж, тогда я предлагаю слетать ко мне на звездолёт.

– Ааа, как и когда?

– Утром будет готова новая партия руды, и мы отвезем её на корабль. Соответствующий скафандр я подготовлю, и ты убедишься в правдивости моего рассказа.

– Хорошо, я согласна. Скажи, а почему ты не свяжешься с правительством и не объявишь, что инопланетяне здесь?

– Нельзя, ваша планета реликтовая, вам самим нужно подняться на новый уровень развития и войти в межзвёздную конфедерацию разумных существ. Это не простой путь и не все доходят до его конца.

– А почему?

– Взаимное уничтожение, деградация, природные катаклизмы, да мало ли опасностей подстерегают во вселенной.

– Н-да, картину ты нарисовал мрачную, выбор у нас небольшой, но мы в тельняшках. Справимся.

– Небольшой, Надежда, но он есть, и мы все через него прошли. Под словом «мы» я подразумеваю все разумные ра-

сы, входящие в конфедерацию.

– Я поняла. Только пока наша цивилизация идёт к гибели: кто-то хочет мирового господства, кто-то богатства, а кто-то – просто так всё уничтожить.

– Это печально, но вмешиваться нельзя, это ни к чему хорошему не приведёт. Обладание высокими технологиями не поднимет ни морального, ни нравственного облика Землян, они должны пройти свой путь сами до конца.

– Вей, а как вы называете себя?

– Что ты имеешь в виду?

– Мы, жители Земли, называем себя людьми, а вы?

А, ты вот о чём. Мы называем себя Сейме-с, жителей планеты – Артроникусами, различные народы – Барсанами.

– Почти как на Земле?

– Не совсем, я схематично тебе объяснил, чтобы было понятно.

– И всё-таки, Вей, опиши, как вы выглядите?

– Ты уверена, что хочешь это знать? Для тебя это будет непривычно.

– Хочу, Вей, хочу! Мне так интересно!

– Ладно, слушай. Скафандр, который ты видишь перед собой, заполнен мною, не одет, а именно заполнен. Я теку, как жидкость, могу образовать любую форму, вижу сразу в нескольких диапазонах: визуальном, инфракрасном и рентгеновском. Слышу очень хорошо, но привычных тебе ушей, глаз, рта, носа нет: все эти функции выполняют различные

структуры. Я состою из жидких, полужидких и твердых кристаллов, примерно, как ваши жидкокристаллические телевизоры. Могу существовать при гравитации, в четыре раза меньшей, чем на Земле. Сейчас этот дисбаланс компенсируют антигравитационные генераторы скафандра.

– А завтра, когда мы будем на твоём звездолёте, ты покажешь мне себя? – не унималась, Надежда с каким-то детским, неумным любопытством.

– Ты всё ещё хочешь меня видеть, несмотря на то, что я сказал?

– Да, Вей, очень. Мне почему-то не важно, как ты выглядишь, я как бы вижу тебя другим зрением, внутренним.

– Но у тебя нет других органов зрения, только глаза...

– Вей, у людей есть что-то, что не может зарегистрировать ни один прибор – шестое чувство.

– Чувство? Я такого органа не нашел.

– Это не орган, это нечто невидимое, позволяющее судить о другом разумном существе, или что-то предвидеть.

– Ты чувствуешь меня?

– Да, конечно, это же очевидно. И неважно, из каких структур ты состоишь, наши энергетические вибрации, возможно души, вступили в контакт задолго до нашего осознанного разговора, на подсознательном уровне. Ты чувствуешь ко мне расположение, Вей?

– Я не знаю такого чувства, но твои вибрации мне доставляют приятные мыслеформы. Значит тебя не страшит мой

вид?

– Вид? Я пока тебя не видела, но с твоих слов он необычный, поверь. по телку и не такое видели. Общаясь с тобой, я не замечаю, как ты выглядишь. Если ты меня не боишься, я тебе не противна, то почему же ты думаешь, что я испугаюсь? Уж не потому ли, что считаешь себя высшим существом по отношению ко мне?

– Я понял, почему ты так говоришь. Из-за того, что я назвал планету реликтовой, а население аборигенным?

– Конечно, это ведь очень обидно.

– Но такова реальность, я не могу изменить своим мнением общего отношения.

– Ты не прав, Вей, даже одно твоё мнение уже много значит, это путь к взаимопониманию. Ведь раньше ты даже не думал о контакте с нами.

– Нет, конечно, это получилось спонтанно, в силу сложившихся обстоятельств и по независящим от меня причинам.

– Но ты не жалеешь об этом?

– Скорее наоборот, мне становится крайне интересно, я многое открываю для себя впервые.

– Ну вот, видишь, может быть, и другие разумные существа заинтересуются нами и помогут сделать правильный выбор? Быть может это будешь ты, все когда ни будь совершается впервые!

– Мне трудно обсуждать эту проблему предположительно, у нас все модели развития рассчитываются с перспективой

на будущее и альтернативные варианты возможного развития событий исключаются, как несостоятельные.

– Вей, уже поздно, мы с тобой заговорились, мама будет волноваться, пойдём домой.

– Ты хочешь, чтобы я остался?

– У нас есть такие качества, как благодарность, гостеприимство и взаимопомощь, я хочу, чтобы ты остался, да и мама будет рада.

– Тогда пойдём.

– Подожди, надо рассчитаться.

– А это что значит?

– Заплатить, как тому таксисту.

– Понятно, бумажки.

– Ну да. – Надежда подозвала официанта.

– Счёт, пожалуйста.

Через минуту официант принес папочку. Надежда посмотрела на чек.

– Семь тысяч рублей, – и полезла в сумочку за деньгами.

– А мои не подойдут? – спросил Вей, протягивая ей тысячные купюры.

– Подойдут, – взяла семь тысяч из толстой пачки и положила в папочку, – всё, пойдём.

– Как странно, – удивился Вей.

– Пойдём, по дороге я тебе объясню, как действует на Земле денежная система.

Вей внимательно слушал и не перебивал. Как только На-

дежда закончила говорить, он задумчиво сказал:

– У вас на Земле мерилом успеха или неуспеха являются деньги?

– Ну, в общем-то, да.

– У нас нет денег, мы можем пользоваться всем, чем захотим, по мере необходимости, и делаем то, что нам нравится.

– Это коммунизм какой-то! – воскликнула Надежда. – Идеальное общество!

– Слово «идеальное» мне не понятно, я бы назвал наше общество гармоничным. Каждый приносит пользу по мере своих сил и желания, ну и пользуется всеми благами. Зачем мне, например, постоянная техника для передвижения, если я заказал её, потом использовал, и она мне больше не нужна? Пусть пользуются другие, а если она мне потребуется снова, то я в любой момент могу её снова заказать. И так во всём. Этот принцип положен в основу нашего общественного устройства.

– Это прям утопия какая-то! – воскликнула она, не переставая удивляться все новым и новым открытиям.

– А что такое утопия?

– Это такое философское учение об идеальном, недостижимом обществе.

– Но мы же достигли!

– Может быть, ваше общественное устройство исключительное?

– Каждое общество живёт так, как оно того заслуживает.

Что интересно, Надежда, ведь у вас есть философские учения о таком обществе.

– Ооо, учений у нас самых разных очень много, но всё в теории. Правда, кое-что опробовано и на практике. По-нашему, это смена общественно-экономических формаций в процессе развития общества. В настоящее время универсальной модели нет: все имеют свои изъяны и не могут сделать жителей земли счастливыми и уверенными в завтрашнем дне.

– Зачем же идти по такой безвариативной ветке событий?

– Такова наша реальность сейчас...

Из-за поворота появилась группа подвыпивших молодых людей, явно ищущих приключений, и двинулась им навстречу, громко смеясь. Когда они поравнялись с Веєм и Надеждой, один из них схватил её за запястье.

– А девочка ничего, – смеясь, сказал он.

Остальные его поддержали:

– Бери её с собой – веселее будет.

– Отстань, урод, – крикнула возмущённо Надежда, и в тот же момент парень, державший её за руку, улетел на другую сторону дороги.

Его друзья опешили, потом пришли в себя, один из них крикнул:

– Мочи гада!

В его руке блеснул нож, он тут же нанёс удар Вею в живот. Раздался какой-то металлический звук. Парень посмотрел

рел на руку – в руке осталась только ручка ножа, осколки лезвия, словно оно было стеклянным, валялись у его ног. Додумать дальше он не успел – улетел в кусты вслед за первым.

– Сзади! – крикнула Надежда.

Вей повернуться не успел. Массивная бита с силой опустилась ему на голову, раздался хруст. Надежда замерла от страха, а парень – от недоумения: бита сломалась в его руках, осталась только ручка, которую он держал двумя руками, глядя в ужасе на Вея. А тот, не торопясь, отправил его в полёт через дорогу. Парни поняли всю серьёзность ситуации и стали сыпать угрозы издалека, не приближаясь.

– Вей, ты как?

– Нормально, Надежда, я же в скафандре, а он из материала выдерживающего запредельные, по вашим меркам, нагрузки. Но делает меня немного медлительным.

– Но зато эффектен и убедителен, – сказала она весело в рифму, взяла его под руку и повела домой.

– Почему они вели себя с нами так?

– На этот вопрос в двух словах не ответишь, Вей, позже поймёшь, когда познакомишься с нашей цивилизацией поближе.

Они уже подходили к дому.

– Маме только не говори, что ты инопланетянин.

– Хорошо, – легко согласился Вей.

Но приключения этого вечера ещё не закончились. У подъезда их ждал никто иной как Артём. Он медленно по-

шёл к ним навстречу.

– Всё понятно, не успела со мной поссориться, а уже другого нашла. А, это ты, Майкл? – узнал он его. – Не зря остался.

– А ты зря уехал, Артём, – ответил он.

Надежда пришла в себя: день и вечер выдались щедрыми на события.

– Зачем ты пришёл? Между нами всё кончено!

– Быстро же ты забыла обо всём, что было.

– Случайный секс – ещё не повод, чтобы меня преследовать, уходи, я больше не хочу тебя знать, – цинично заявила Надежда.

– А он, значит, останется?

– А вот это уже не твоё дело, свободен!

– Ну что ж, ты ещё об этом пожалеешь, – повернулся и пошёл от дома в сторону центра.

– Что он хотел?

– Он хотел того, чего не хотела я: взаимности.

Вей открыл было рот, чтобы задать ещё вопрос.

– Всё, Вей, никаких вопросов, потом всё объясню.

– Хорошо.

Вера Ивановна не спала, ждала их с прогулки. Как только зазвонил звонок у входной двери, она тут же открыла. Впустив осмотрела и, всплеснув руками, спросила:

– Что с вами случилось?

Надежда посмотрела на Вея и всё поняла: рубашка на жи-

воте порезана, клок волос с головы свисал, содранный битой. Да ещё и запястье, за которое её схватил хулиган, было синее.

– Пойдём, мамочка, я тебе всё объясню. Майкл, иди в ванну и приведи себя в порядок, – подтолкнула она его в открытую дверь, а сама начала рассказывать, что случилось.

Вей вошёл в ванную, не представляя её предназначения, кроме мытья рук. Он не мог понять, что так испугало Веру Ивановну. Осмотрел себя и увидел порванную одежду и следы на животе, оставленные ножом. Подкорректировав одежду, он случайно посмотрел на себя в зеркало и от неожиданности отшатнулся, потом понял, что это он сам, приладил часть скальпа на прежнее место. Осмотрел себя ещё раз и, убедившись, что всё в порядке, пошёл в комнату.

Надежда с мамой сидели на диване и обсуждали, произошедшее. Увидев входящего Вея, Вера Ивановна встала и обняла его.

– Спасибо, вы во второй раз сегодня спасаете мою беспечную дочь, просто её ангел хранитель! Пойдёмте пить чай.

– Мама, – остановила её Надежда.

– Мы только из ресторана и очень устали за день, лучше спать.

– Хорошо. Майкл, я вам уже постелила, давайте, рубашку зашью?

– Не надо, она само ремонтирующаяся. Новые технологии.

Вера Ивановна посмотрела на порез – его не было. Потом подняла глаза на голову Вея – она была в порядке.

– Вот, Надежда, какой человек тебе нужен. Надёжный и уверенный!

– Мама, ну хватит меня сватать.

– Ну что мама, я знаю, что говорю! Ладно, спокойной ночи.

Путов Сергей Павлович, начальник Пятигорского УВД, полковник полиции, ходил по кабинету, анализируя ситуацию. Он только что ознакомился со сводкой происшествий, два из которых не вписывались в обычную схему. Другой бы на его месте не обратил на это внимания, но только не Сергей Павлович. Во-первых, появление тысячных купюр в городе. В банке нашли одно несоответствие: на всех восьми купюрах был один серийный номер, и обращала совершенная их одинаковость, вплоть до потёртостей.

«Подделки? – задавался вопросом Путов. – Возможно, но какого качества! Если бы не одинаковые номера банкнот, то от настоящих их отличить было бы невозможно. Должно быть, появились фальшивомонетки высокого класса, скорее всего гастролёры».

Другое, довольно странное событие: трое крепких парней попали в больницу. Конечно, это были хулиганы не раз попадали в поле зрения его службы, но, что интересно, они все одновременно стали жертвами какого-то парня. Полковник

был цепок, как бульдог, и имел аналитический склад ума. Эти два совершенно разных происшествия показались ему чем-то схожими. Что же задело его профессиональное чутьё? Это что-то ускользало. Полковник вызвал своих замов: по уголовному розыску и по экономическим преступлениям. Через минуту они постучали в дверь. Зная суровый нрав полковника, который не допускал панибратства на работе, но по-отечески относился к личному составу, доложили по форме о прибытии.

– Садитесь, вы ознакомились со сводкой происшествий?

– Так точно, товарищ полковник, – одновременно ответили оба.

– Ну, и какое ваше мнение? Вас в сводке ничего не насторожило?

По большому счёту, в сводке не было ничего необычного, но полковник никогда просто так не спрашивал, а уж тем более к себе в кабинет не вызывал. Пауза затянулась, но полковник не торопил с ответом.

– Верочка, – вызвал он секретаря по селектору.

– Слушаю вас, товарищ полковник.

– Сооруди нам чайку, разговор предстоит долгий.

– Есть, – ответила Верочка.

Оперативники переглянулись: это выходило за рамки, такого припомнить никто не мог.

– Ну что, господа офицеры, примолкли?

Первым заговорил капитан полиции Петров:

– По моей линии вызывает беспокойство появление фальшивых купюр высокого качества.

– Правильно вызывает, капитан, не зря ты казённый хлеб кушаешь.

Капитан покраснел от признания своей компетентности. Начальник розыска майор Семёнов завистливо посмотрел на своего коллегу, только что сдавшего экзамен на профессионализм.

– Ну, Семёнов, твоя очередь удивить меня!

– Единственное, что может зацепить взгляд, помимо фальшивомонетчиков, так это Рембо, отделавший наших старых знакомых до такой степени, что они сейчас находятся в больнице.

– Хорошо, – кивнул полковник одобрительно, – но для тебя маловато.

– Уголовного преступления здесь нет, – продолжил майор, – но, если бы не способности этого Рембо, у нас сейчас висело бы убийство.

– Правильно, убийство этого Рембо нашими хулиганами. Хорошо, теперь обратите внимание на время совершения этих правонарушений. Первое обнаружено сегодня утром в шесть часов, при передаче выручки инкассаторами в банк. Это значит, что поддельными купюрами кто-то расплатился вчера вечером. Второе правонарушение совершено около двадцати трёх часов, в том же районе.

«Вот, – подумал полковник, – два необычных происше-

ствия в одном районе с небольшим промежутком времени».

Вошла Верочка с подносом.

– Чай, товарищ полковник.

– Ставь. – разрешил он ей и, как только за ней закрылась дверь, продолжил. – Петров, выясняешь, где забирали выручку инкассаторы, и собираешь информацию о том, кто бы это мог быть. Ну а ты, Семёнов, ищешь этого Рембо.

– Зачем, товарищ полковник?

– Чтобы сказать ему спасибо. – и, видя, что Семёнов не проникся поручением, добавил. – О результатах доложишь через четыре часа.

– Слушаюсь.

Оба встали, щёлкнули каблуками и вышли.

Вей лежал и анализировал всё произошедшее. Сон ему не требовался: Сейме-с отдыхали и набирались сил совсем по-другому. Они погружались в ванны со специальным раствором на довольно длительное время. Это было необходимо.

Он задавался вопросом: «Зачем я вмешался в естественный ход событий на Земле? – ответ у него был только один. – Моя деятельность по добыче руды чуть не привела к гибели разумных жителей планеты, я их спас, по-другому я просто поступить не мог. А что потом? А потом меня затянула череда событий и пока непонятный процесс переформирования отдельных кластеров сознания. Сейчас я уже не управляю событийным процессом, он просто меня несёт в своём пото-

ке. Люди... До чего необычен этот вид разумных существ. Они способны на нестандартное эвристическое мышление. – Вей вспомнил разговор с Надеждой о высокомерии».

Мысль о Надежде заставила его слегка вздрогнуть. «Что это? – подумал Вей. – Я не должен так реагировать, я должен ко всем относиться одинаково ровно, иначе нарушится процесс объективного мышления, и вся информация примет субъективный, личностный характер. Думаю, что уже приняла: у меня появились другие ощущения. Одно из них – привязанность, как характеризуют его люди, по совокупности признаков. Надежда – совершенно чуждая форма жизни с точки зрения физиологии, но, в то же время, очень близкая по организации мышления, сознания и еще чего-то. Хотя нет, организация сознания у меня многоуровневое, а у нее один коллоидный мозг. Был коллоидный теперь точно скопированная его матрица. Я не только вмешиваюсь в событийный процесс я вмешался в жизнь этих людей, но люди ли они теперь...

Почему, когда он о ней думает, у него возникает желание общаться?! Желание!!! Преобразование структур оказывается гораздо глубже чем я думал, пора останавливать этот процесс». – Мыслительный процесс прервал сигнал с модуля:

- Руда загружена, к взлёту готов.
- Старт по моей команде. Подготовить кабину для земного существа – и скафандр с особенностями людского строения

и метаболизма, спецификации в управляющем кластере.

– Задание получено, выполняю.

Надежда ворочалась: сон не приходил.

«За один день столько событий! Я почти почувствовала и почти испытала, что такое половое влечение, что такое тяга к мужчине. Тяга тела, но не души. Этой тяге противостоять трудно, почти невозможно. Секс, не любовь. Мне казалось, что там, с Артёмом, была не я. Там была девушка, жаждущая телесного контакта, настолько сильно, что сейчас мне даже страшно. Но что я сама себя обманываю? – вдруг остановила она свой самоанализ. – Конечно, мне понравились те ощущения, которые я пережила. Так что же со мной было? Если это нелюбовь, то что? Тогда это страсть, зов тела, а не души, – она внутренне поёжилась, – что же получается, этот зов может проснуться в любой момент, и я ему противостоять не смогу? Ну это уж совсем никуда не годится! Получается, я могу не совладать с собой и спать с кем попало? Судя по всему, я настолько страстная, наверное, даже сладострастная, что такое возможно. Страсть не считается у людей положительным качеством, страсть – это не чувство, а физиология, бессознательное влечение тела. Страсть развращает душу, а созидает только любовь. Вот такие дела. Артёма я не люблю и не любила. Ничего себе, откуда у меня такой трезвый самоанализ? – поймала себя на мысли Надежда. – Стоп, трезвый! Перед тем, как я впала в это страстное состояние, там, в пещере, мы выпили вина! Не стало ли это

сигналом для тела? У людей так бывает, что алкоголь раскрепощает, а я кто? Человек, конечно, – ответила она сама себе на свой риторический вопрос, – но человек, который общается с инопланетным разумом, и, надо сказать, это общение мне приятно и льстит моему девичьему самолюбию. Мой парень инопланетянин, – она улыбнулась, – какой парень? Может, он и не парень вовсе? Просто я воспринимаю его как мужчину, наверное, из-за облика и не могу представить в виде текучего кристалла. Конечно, он мне нравится: не врёт, говорит правду, галантный. Даже маме понравился. А какой сильный! Фантастика. – Потом присела на кровати от тревожной мысли. – А не причинит ли он вреда нашей планете? Может, бросить все эти сентиментальные мысли и пойти сообщить о нём, куда следует? Нет, – положив голову на подушку, думала она, – во-первых, мне не поверят, сочтут сумасшедшей, а если узнают, что я была на инопланетном звездолёте, начнут изучать в лабораториях, и уж тогда мне точно оттуда не выбраться. Вей мне поверил, открылся, – почти нежно подумала она о нём, – неужели я его предам? Нет, конечно. Завтра я полечу с ним в космос. Так интересно. Жаль, конечно, что потом об этом никому нельзя будет рассказать. Тяжело знать что-то важное и не поделиться. Для такой девушки, как я, это настоящее испытание. Ладно, привыкну. А может, он возьмёт меня с собой, на свою планету? А ты полетишь с ним? – Спросила она себя. – Не знаю, хочется, конечно, космический романтизм, интересно. Ладно,

там будет видно. Надо хоть немного поспать, завтра такой день!»

Вера Ивановна тоже ворочалась на своём диване, беспокойство за дочь не давало ей уснуть. Чем взрослее она становилась, тем больше возникало опасений за её будущее. «Красивая, статная, умная, а всё как ребенок, мысли детские, не взрослеет, доверчивая. Ей нужен защитник, вот такой парень как Михаил. Может, у них всё получится?»

Утро выдалось солнечным, Вера Ивановна встала рано, приготовила завтрак и ждала, когда проснётся молодежь. Про себя она решила Михаила никуда не отпускать. «Пусть поживет у нас, может, между Надеждой и ним возникнет чувство».

Её мысли перебила вошедшая Надежда.

– Доброе утро, мамочка, так вкусно пахнет! А Михаил ещё не встал?

– Да нет.

– Пойду, разбужу, – и пошла в его комнату.

Вчерашние приключения казались чем-то нереальным. Вей лежал на кровати с закрытыми глазами.

«Обычный человек, – подумала она, – ну какой он инопланетянин, наверное, нафантазировал про себя, чтобы со мной замутить».

– Подъём! – он открыл глаза. – Пора вставать, соня.

– Да я и не спал.

– Ну началось, а почему лежал с закрытыми глазами?

– Имитировал сон, да, кстати, скафандр для тебя готов и отсек в модуле и звездолёте, приспособленный для твоей жизни.

– Так ты что, вчера всерьёз говорил о космическом путешествии?

– Всё, что я говорю, всерьёз, мы, Сейме-с, говорим только правду.

– Я уже и не знаю, а это не опасно?

– Не опасней вчерашнего посещения кафе.

– Что мне надеть?

– Лучше всего спортивный костюм.

– Хорошо, сейчас будем завтракать, но сначала зайди в ванную комнату: прими душ, приведи себя в порядок.

– Да я в порядке, скафандр поддерживает стерильность.

– Вей, не забывай, ты же человек, а люди по утрам совершают утренний ритуал: они так устроены, у них такой природный метаболизм. Так что давай, в ванну, имитируй утренние процедуры, не расстраивай маму.

– Принято, – вставая, проговорил Вей, – как у вас, у людей, всё сложно, столько всяких условностей.

Надежда увидела, что он спал в одежде.

– Вей, люди в одежде не спят, они раздеваются.

– Хорошо, в следующий раз я освобожу скафандр от верхней одежды.

«Дурдом», – подумала Надежда и пошла на кухню помогать маме накрывать на стол.

«Куда я попал? – думал Вей, открывая краны и спуская воду в унитазе. – Бесценная и очень редкая в природе универсальная жидкость и так бездумно расходуется, – он ещё раз взглянул на анализатор, – да, химическое соединение воды. Здесь, на планете, почти всё живое состоит из воды. Почему же мы её не берём для себя здесь? Один наш космический танкер мог бы загрузить целый океан. Потому-то эта планета и заповедная. А если заповедная, значит, должны быть контрабандисты и, соответственно, какая-то охрана. Как бы эта охрана меня не задержала, я ведь на этой планете незаконно веду добычу радиоактивной руды, да ещё в населённом районе, и, что уж совсем плохо, вступил в контакт с местным аборигенным населением».

В дверь ванной постучали, и раздался голос Надежды:

– Михаил, ты там не замылся? Давай к столу, всё готово.

– Иду, – откликнулся он.

На столе уже стояла яичница с ветчиной, поджаренный хлеб, дымился горячий кофе.

– Доброе утро, Михаил, – приветствовала его Вера Ивановна, – как спалось на новом месте?

Он сделал паузу, не зная, что ответить. Надя поняла, в чём дело, и пришла на помощь:

– Очень хорошо, мамочка, я уже интересовалась.

– Да-да, Вера Ивановна, очень хорошо, спасибо, – быстро повторил Вей.

– Ну ладно, садитесь завтракать. Михаил, как ты себя чув-

ствуешь, уж не заболел ли, какой-то ты рассеянный?

– Нет, Вера Ивановна, всё в порядке, просто смена жизненного пространства так действует.

– Смена чего? – подняла на него удивлённые глаза Вера Ивановна.

– Мамочка, смена климата.

– А, теперь понятно.

Надежда подумала: «Надо скорее завтракать и уходить», – и взяла на себя всю инициативу по ведению разговора, не давая возможности никому вставить ни слова. Вей был ей за это благодарен. Наконец, завтрак закончился, а анализатор всё сыпал Вею химические формулы поглощённых им продуктов.

– Мамочка, спасибо за завтрак.

– Спасибо, Вера Ивановна, – как попугай, повторил Вей.

– Вам хоть понравилось, как я приготовила?

– Очень, – подошла и поцеловала её Надежда.

– Очень, – повторил за Надеждой Вей и тоже подошёл, и поцеловал Веру Ивановну, чем окончательно растопил её материнское сердце.

Вей почувствовал такую сильную энергетическую вибрацию, называемую людьми теплом и добротой, что просто растерялся.

– Мамочка, я покажу самую популярную достопримечательность города Михаилу: наш главный проспект.

– О, это интересно, и горожане, и отдыхающие с санато-

риев там гуляют, ну что ж, идите, только не опаздывайте к обеду.

– На обед мы, наверное, не придём, – расстроила Веру Ивановну Надежда, – перекусим где-нибудь в городе.

– Ну ладно, смотрите сами, как вам удобнее, – огорчённо ответила Вера Ивановна.

Наконец, сборы закончились, и Надежда была готова к походу.

– Ну ты лучше ничего не могла надеть? – посмотрела на неё Вера Ивановна. – Кто же гуляет по проспекту в спортивном костюме?

– Мне так удобней, – парировала она.

– Ну ладно, удобней так удобней, – махнула рукой Вера Ивановна, – идите уже.

Они вышли на улицу. У подъезда, как всегда, сидели бабушки и перемывали косточки соседям. Увидев нового человека, обрадовались. Надежда с ними поздоровалась.

– Здравствуй, Надюша, – загомонили они, – а кто это с тобой?

– Это мой двоюродный брат из Москвы, приехал в гости, – чтобы избежать подробных расспросов, к которым приготовились бабушки, Надежда взяла Вея за руку и быстро потянула за собой, – извините, мы спешим.

Вслед сыпались вопросы, но они уже были далеко.

– Куда пойдём? Где твой корабль? – спрашивала она Вея.

– Грузовой модуль на горе в режиме маскировки.

– Опять на эту гору подниматься?

– Нет, он находится недалеко от штольни, где я вас нашел.

– Ну ладно, поехали.

Она быстро поймала такси, и через полчаса они уже были в Железноводске. Вей расплатился с таксистом всё теми же купюрами, и они через станцию пошли к грузовому модулю на Бештау. Вышли на совершенно пустую на поляну.

– Пришли, вот и модуль, – показал рукой на поляну Вей.

Надежда ещё раз осмотрела поляну и, ничего не заметив, спросила:

– Какой модуль, Вей, поляна девственно чиста, кроме цветов и травы, я ничего не вижу?

– Сейчас я изменю режим маскировки.

И, действительно, прямо посередине поляны стал проявляться огромный аппарат, занимающий почти всю поляну.

Надежда онемела от удивления: аппарат представлял собой пирамиду из тёмного материала, который, казалось, не отражал, а поглощал свет.

– Ничего себе, пирамидка, – удивлённо посмотрела на Вей Надежда, – как же она полетит, такая огромная?

– Полетит, вот только ты переоденешься в скафандр, и стартуем.

– А где скафандр?

– В шлюзовом отсеке, думаю, он тебе понравится.

У основания пирамиды протаял проём, ртутной каплей сбежали вниз ступеньки.

– Прошу на корабль, – сделал галантный жест рукой Вей.

Надежда попробовала крепость ступеньки ногой – было такое ощущение, что она висит в воздухе – и осторожно поднялась на корабль. Вей быстро вбежал за ней. Шлюзовой отсек представлял собой небольшое прямоугольное помещение. Посредине, на столе, лежал костюм.

– Надевай скафандр, пойдём, пора стартовать.

– А где этот скафандр?

– Перед тобой, – образовалась скамеечка для удобства.

– Мне нужно раздеться?

– Не обязательно, надевай всё прямо поверх спортивного костюма. – Вей помог ей одеться. – Как ты меня слышишь?

– Отлично.

– Надежда, всё, что касается метаболизма и системы жизнеобеспечения, подстраивай под свой организм мысленно, подумав, что бы ты хотела.

– Хорошо, Вей, поняла, но скафандр какой-то странный, но при этом очень удобный, как наша одежда.

– Я его так сконструировал, для твоего комфорта.

– Спасибо за заботу.

Что такое забота, Вей не знал, но уточнять не стал.

– А зеркала у тебя здесь нет?

Тут же в стене протаяло её трёхмерное голографическое изображение.

– Ничего себе, это я?

– Ты, конечно, нравится?

Она смотрела и не верила своим глазам: перед ней стояла египетская принцесса, которую она видела в музее изобразительных искусств.

– Невероятно, – наконец, промолвила она, – это что же получается, в древности в эти костюмы были одеты вы?

– Возможно, – нейтрально ответил Вей, убирая изображение, – теперь следи за работой скафандра и не забывай, о чём я тебе говорил.

Внешне ничего не изменилось, но через минуту Вей сказал:

– Атмосфера в шлюзе изменена, ты перешла на автономное дыхание.

Её охватила паника:

– Как изменена? – в глазах потемнело, воздуха стало не хватать.

– Успокойся, – послышался уверенный голос Вея, – всё в порядке, подумай, чего ты хочешь.

«Воздуха и прохлады», – подумала она, и её сразу обдало волной прохладного чистого воздуха, она постепенно успокоилась.

– Ну что, всё, адаптировалась? – спросил её Вей.

– Да, спасибо, всё в порядке.

– Теперь следующее испытание, – продолжил Вей, – мне нужно снять скафандр. Ты не изменила своего желания увидеть меня в естественной среде?

Надежда на миг задумалась, ей было страшно, но отсту-

пать было неудобно.

– Нет, не изменила, – чуть хриплым от волнения голосом ответила она.

По Вею вдруг пробежала сеточка молний микро разрядов, он разделился на две половины, как футляр, из которого на пол стекла огромная ртутная капля. Влажно поблескивая, капля образовала шар. Увиденное настолько шокировало Надежду, что она потеряла сознание. Её скафандр тут же отреагировал, тонизируя организм. Она почти сразу очнулась, открыла глаза.

– Надежда, может быть, мне снова надеть скафандр? Я своим видом тебя лишил сознания?

– Не надо, всё нормально, я в порядке, просто мне нужно привыкнуть.

– Ну что ж, привыкай, пошли в центр управления модулем.

В стене появился проём, и ртутный шар Вея покатился в него. Надежда пошла следом.

«Я слышу его голос, но он не говорит, у него нет для этого ничего».

– Надежда, я говорю телепатически, ментально транслирую мысли, а скафандр переводит в привычный для тебя аудио режим.

– Ты читаешь мои мысли?

– Только сейчас, пока ты адаптируешься, но ты можешь блокировать проникновение извне.

– Нет, заблокировать я не буду, а попрошу тебя без моего разрешения не читать моих мыслей.

– Хорошо, не буду. – а про себя удивленно подумал: «А она умнее, чем я предполагал!»

Они прошли бесчисленными коридорами и, наконец, оказались в огромном зале – центре управления. В середине зала стояла колонна, метра два в высоту, с чашей на вершине. Вей трансформировался в нечто, похожее на пружину, оттолкнулся и взлетел в эту чашу, снова принимая форму шара. Сверху ударил столб света прямо на Вея и разлетелся во все стороны зала зайчиками, как от дискотечного зеркального шара.

– Надежда, рядом с тобой кресло, садись в него и пристегнись страховочными ремнями для безопасности, присоедини к шлему разъем синхронизации с виртуальным пространством модуля, а я займусь управлением.

Надежда выполнила все его рекомендации, но, как только подсоединила разъем, на мгновение потеряла ориентацию и потом вдруг увидела сразу всё: поляну, лес, гору, город. Но самое интересное было вверху: на неё оттуда смотрели миллиарды звёзд.

«Как такое может быть? Ведь день? – как бы задала она вопрос.

Вей тут же ответил:

– Конечно, день, но смотришь через высокочувствительные навигационные системы корабля, поэтому видишь всё в

режиме реального времени.

– Как красиво! – ответила она.

– Я рассчитал курс, стартуем, – сообщил Вей.

Надежда внутренне сжалась, приготовившись к перегрузкам. Раздался спокойный голос Вея:

– Перегрузки не будет, мы поднимемся на антигравитационных генераторах, а на высокой орбите включим двигатели.

– Понятно, – растерянно отозвалась Надежда.

Огромная пирамида корабля плавно поднималась, бесшумно уходя в небо. Надежда видела быстро удаляющуюся поверхность Земли, которая становилась всё меньше и меньше. Исчезали детали пейзажа, затем исчез и весь пейзаж. Постепенно Земля превратилась сначала в огромную вращающуюся поверхность, покрытую одеялом облачности, а потом и вовсе в шар с континентами, водными поверхностями и пологом молочной облачности.

– Включаю двигатели, – оторвал её от созерцания окружающего пространства голос Вея.

У основания пирамиды стало разгораться голубое сияние, которое толкнуло корабль вперёд. Звёзды, сначала ясно видимые, вдруг смазались в одну светящуюся линию.

– Через час будем на месте, как ты себя чувствуешь?

– Как я себя чувствую? Как в сказке! А где находится твой базовый корабль?

– Базовый корабль дрейфует в поясе астероидов Сатурна.

– Круто, даже не верится, что я здесь в качестве гостя, а

не пленницы.

– Это что, пожелание или ностальгия по приключениям?

– Вей, ну какая ностальгия, я сейчас переживаю самое захватывающее приключение в своей жизни благодаря тебе.

– Не мне, Надежда, а случаю.

– Вей, а для чего ты светишься солнечными зайчиками, как дискотечный шар?

– Что такое дискотечный шар, я не знаю, а посредством света, вернее, фотонов света, я управляю кораблём, направляя команды на определённый участок сенсорного поля.

– Понятно, – неопределённо произнесла Надежда.

– Приготовься, приступаем к торможению, – предупредил её Вей.

Звёзды постепенно останавливали свой бег, потом появились первые созвездия, и вот уже всё пространство стало усыпано бриллиантами звёзд разной величины, лежащими на чёрном бархате космоса, а прямо по курсу на них надвигалась огромная планета, которую опоясывали разноцветные кольца.

– Вей, а мы в неё не врежемся?

– Нет, сейчас установим нужную орбитальную скорость и будем выполнять стыковку с моим звездолётом.

– А как называется твой звездолёт?

– В переводе на ваш язык звучит как «Звёздный ветер».

– Красиво, даже романтично, – одобрила Надежда.

Модуль вошёл в поток астероидов. Рядом проносились

многокилометровые каменные глыбы, как исполины, выныривая из тьмы. Камни поменьше уничтожались противометеоритной защитой, превращаясь в облачка пара. Надежда втянула голову в плечи: ей стало страшно.

– Не бойся, это самое простое, что я делал при пилотировании.

Надежда слегка успокоилась, но всё равно было страшно, она даже пожалела, что согласилась на этот полёт. Неожиданно перед их модулем выросла горой огромная многокилометровая пирамида базового корабля.

– Прилетели, – констатировал Вей.

Узор солнечных зайчиков сменился и заиграл, помигивая. В огромном корабле открылись ворота грузового ангара. Вей, работая маневровыми двигателями, точно завёл модуль внутрь ангара. Надежда, наблюдавшая за этим затаив дыхание, зааплодировала:

– Вей, ты такой умелый пилот!

Комплимент Надежды заставила Вея испытать нечто похожее на гордость, но он ответил сдержанно:

– Ну что ты, у нас так пилотировать умеют многие.

Столб света погас. Вей стёк со своего пьедестала.

– Прилетели. Пока автоматика будет разгружать модуль, я покажу тебе корабль.

– Здорово, – восхитилась Надежда, – Вей, а ты можешь внешне принять человеческую форму? А то видеть разумный шар как-то жутковато, хотя я уже привыкла.

– Можно, конечно, – он потёк, расправился, и через мгновение перед ней стоял излучающий блики манекен.

– Так лучше?

– Спасибо, отлично.

– Звездолёт очень большой, чтобы осмотреть всё, потребуется много времени, а нам нужно вернуться на Землю к ужину, а то Вера Ивановна будет волноваться, когда у вас ужин?

– В девятнадцать часов.

– Отлично, что бы ты хотела увидеть?

– Всё, – вырвалось у неё.

– Хорошо, посмотрим, что успеем, кстати, ты не проголодалась?

– Нет, но перекусить не мешало бы.

– Какие вы люди неконкретные. Становись на платформу рядом со мной и держись за поручни, полетим в твои апартаменты.

Платформа плавно поднялась над полом, и они заскользили по просторным коридорам, набирая скорость. Через минуту платформа опустилась на пол.

– Вот твои апартаменты, отдохни, приведи себя в порядок и, как только будешь готова, дай мне знать.

– А ты со мной не пойдешь?

– Нет, там атмосфера другая, а скафандр я оставил в грузовом модуле.

– Ну ладно, я быстро.

– Кстати, скафандр снимается нажатием вот этой кнопки, – показал он на камень, закрепленный на её груди.

– Хорошо, – ответила она.

– За переборкой шлюз, я скажу, когда можно будет снять скафандр.

– Какой ты заботливый, – проговорила Надежда, исчезая за открывшейся переборкой шлюзовой камеры, специально для неё приготовленной.

Вей не знал, что значит заботливый, но вибрации тона, которым произнесла она эти слова, очень ему понравились и наполнили внутреннюю коммуникационную систему приятной вибрацией.

Переборка за Надеждой закрылась. В маленьком помещении был только один стол. Загудели какие-то приборы, и через несколько секунд раздался голос Вея:

– Всё, давление и атмосфера земные, сила тяжести тоже. На плечи сразу упал тяжелый груз её тела.

– Вей, силу тяжести оставь, как на звездолёте.

– А, понравилось?

– Конечно!

– Хорошо, можешь снимать скафандр, оставь его на столе.

Тяжесть исчезла, протаяла дверь, и она прошла, онемев от неожиданности, словно попала в сказку. Роскошно обставленный холл, посередине стол, заставленный различными фруктами, воздух, наполненный ароматами цветов и тихий блюз, словно доносящийся из далека. Она ошеломлённо

осмотрелась вокруг: «Ничего себе, вот это да!» Сбоку обнаружила туалетную комнату, которая по роскоши ничем не уступала холлу, привела себя в порядок, села за стол и попробовала понемногу всех изысков. От еды, дороги и пережитого её разморило. «Полежу минутку на этом восхитительном диванчике, и пойдём осматривать корабль, как интересно!»

Это была её последняя осознанная мысль. Ей снился сон, где они с Веём прогуливаются по берегу моря, он обнимает её и пытается поцеловать. «Он же не человек, зачем ему меня целовать?» – и попыталась его оттолкнуть, но нет, он не отставал. И тут она проснулась. За руку её трясло небольшое устройство. Только она хотела отбросить это устройство, как послышался знакомый голос Вея:

– Добрый вечер, срочно поднимайся, надевай скафандр, я вас жду за дверью, у нас мало времени.

– Какой вечер, я только прилегла, а сколько времени?

– Семнадцать часов, Надежда. Я тебя жду.

Думать было некогда, она вскочила, огляделась, быстро забежала в туалетную комнату, умыла заспанное лицо водой и кинулась в шлюзовую камеру одеваться. Вей стоял перед шлюзом. Посмотрел на неё и тонкий лучик света уперся в камень на груди:

– Всё в порядке, поехали.

Они быстро проделали обратный путь к грузовому модулю и стартовали, выходя из астероидного потока. Всё это время Надежда молчала, ей было очень неудобно за свой

сон.

– Вей, прости за несвоевременный сон, уснула незаметно для себя, почему ты меня не разбудил?

– Я не хотел нарушать твой покой, ведь тебе он был необходим, твой организм устал.

– Спасибо, я у тебя побывала, как в сказке, мне очень понравилось, поэтому я расслабилась и уснула.

– Не расстраивайся, корабль осмотрим в следующий раз.

– Ты меня ещё раз сюда прокатишь?

– Нет, Надежда, я приглашаю тебя пожить на корабле, полетаем, посмотришь всё вокруг, потрогаешь всё своими руками.

– Я согласна, – без раздумий проговорила она, – вот только как мой отъезд объяснить маме?

– А ты не объясняй, а пригласи её в поездку с собой.

– Нет, она не поймет.

– Нужно убедить, здесь её и подлечим, будет выглядеть, как ты.

– Вей, зачем ты всё это делаешь?

– Не знаю, хочется сделать для тебя что-то хорошее, а мотивов пока не знаю.

– Ладно, попробую её уговорить, а скажи, пожалуйста, твоя родная планета далеко?

– Очень далеко, ты даже представить себе не можешь, как далеко!

– А как у вас устроено общество, у вас есть мужчины и

женщины, как у нас, как у вас рождаются дети?

– Сколько вопросов, Надежда, мне и года не хватит, чтобы на них ответить. Устройство общества оставлю на потом, а что касается полового разделения, то у нас его нет, мы однополое. Новый Сейме-с рождается только тогда, когда наш организм особым образом настроится. Для этого нужно какое-то необыкновенное событие, в результате которого и в память о котором мы образуем новую особь. Но это случается очень редко, мы живем долго, очень долго, почти вечно, нас может разрушить только какая-нибудь катастрофа, поэтому наша численность стабильна.

Надежда молчала, осознавая сказанное Веєм.

– Как это необычно.

– Для нас нормально, – парировал Вей, – так же, как и для вас рожать детей. Вы ведь тоже рождаете их не просто так?

– Нет, конечно, для этого нужно много чего: понравиться, чтобы возникло взаимное чувство, чтобы было желание закрепить это чувство рождением ребенка.

– Вот, Надежда, похоже на нас, тоже длительный процесс. И в память об этом чувстве вы рождаете ребенка – аналогия налицо! А как вы называете это чувство?

– Это самое светлое чувство, – вдохновенно заговорила Надежда, – называется любовью...

Глава 3

Полковник Путов только что зашёл домой после тяжелого трудового дня. Дома его ждала красавица жена: заботливая

женщина в теле, которая в муже души не чаяла. Дети уже выросли и жили самостоятельно, поэтому Светлана – так звали жену полковника – всю свою любовь и заботу направляла на него.

– Серёженька, – раздался её нежный голос, который не изменили годы, проведённые вместе, – всё готово, садись ужинать.

Путов такая забота нравилась, он млел от своей значимости и величия дома. Только он сел за стол, заставленный разносолами, и налил себе рюмочку холодной водочки, как раздалась мелодия мобильного телефона.

– Ох, нигде тебе нет покоя, не могут без тебя и минуты прожить, поешь, потом перезвонишь, – запричитала Светлана.

– Нельзя, мать, работа – это святое, я за безопасность людей всего города отвечаю, понимаешь, какая это ответственность!

– Ох уж да, понимаю.

Путов слегка высокомерно посмотрел на неё, как бы говоря: «Ничего ты не понимаешь», – взял телефон и ответил:

– Путов на связи.

– Капитан Петров, товарищ полковник, докладываю по фальшивым купюрам.

– Давай, слушаю.

– Эти купюры инкассаторы доставили из кафе, что находится недалеко от провала, я опросил персонал кафе и узнал,

что выручка собиралась три дня. Ну, и, конечно, задал им основной вопрос: не подозревают ли они кого-нибудь из посетителей. Конкретно никого не подозревают, но вчера вечером в кафе была странная парочка: заказали мало, а сидели долго, потанцевали. Рассчитывались как раз тысячными купюрами.

– Молодец, капитан, приметы предполагаемых преступников взял?

– Конечно, товарищ полковник, уже составили словесный портрет, который раздали всем полицейским.

– Хорошо, поделись информацией с Семеновым, и продолжайте работать вместе. Утром подготовьте приказ о создании оперативной группы для работы по этому делу, – с чувством выполненного долга и под обожающий взгляд жены поднял рюмку, и в этот момент снова зазвонил телефон.

– Да что ж это такое, – сокрушалась жена.

Путов степенно поставил рюмку и ответил:

– Товарищ полковник, докладываю по делу о вчерашнем хулиганстве.

– Давай, Семёнов, что там у тебя? Только коротко.

– Вчера, как вы знаете, группа хулиганов напала на прохожих, но получила такой отпор, что трое из них оказались в больнице. Так вот, они рассказывают невероятные вещи. Оказывается, их так отделал парень, обладающий невероятной силой, защищавший свою девушку. Конечно, они представляют себя в выгодном свете, жертвами, потерпев-

шей стороной, но какая там потерпевшая сторона! Это наши старые клиенты.

– Приметы парня взял?

– Взял, товарищ полковник.

Путов сравнил – приметы совпадали.

«Вот почему я зацепился за эти происшествия – оперативное чутье», – подумал он гордо.

– Семёнов, работаете вместе с Петровым, я уже дал ему указания, похоже, это и есть фальшивомонетчики, – и положил трубку, весьма довольный собой, потом поднял рюмку и, наконец, с удовольствием и чувством выполненного долга выпил.

Надежда и Вей вернулись домой около одиннадцати часов вечера. Вера Ивановна уже накрыла на стол и поджидала их к ужину.

– Ну, наконец, а то я уж начала волноваться, – заговорила она, встречая их в прихожей, – давайте ужинать, проголодались, наверное.

– Да, мамочка, денёчек выдался не из лёгких, отдых – это тяжелый труд.

Вей молчал.

– Михаил, а как ваши впечатления? – спросила Вера Ивановна, глядя на него.

– Столько и таких впечатлений у меня не было давно, спасибо Надежде, помогла мне увидеть всё в новом свете.

– Ну и хорошо, вы ужинайте, а я пойду к Ирине, что-то ей нездоровится, просила переночевать с ней.

Надежда подозрительно посмотрела на мать, но та даже бровью не повела и не выдала своих истинных намерений, а пошла в прихожую одеваться. Надежда с Веем вышли её проводить. Вера Ивановна напутствовала Надежду:

– Смотри за гостем, не обижай, – потом обняла их и вышла.

В гости к подруге Вера Ивановна напросилась сама. Целый день она думала о дочери и Михаиле: «Это судьба, ну где она найдёт ещё такого спутника жизни, вроде бы у них всё складывается. Надежда сама не своя, летает, – она знала свою дочь, – влюбилась, пусть сегодня побудут одни, не буду им мешать, может и срастется. Михаил ей очень понравился, хотя странности были, но кто из нас идеален?» – подумала она, нажимая на звонок входной двери своей давней подруги.

Как только мама ушла, Надежда включила телевизор.

– Посмотри пока новости, – обратилась она к вею, – а я приведу себя в порядок, потом поужинаем.

– Ты же знаешь, я не ем.

– Ничего, посидишь со мной, мне энергия нужна, чтобы успевать за тобой, ну и мне приятно с тобой общаться, – сказав это, она скрылась за дверью своей комнаты.

«Что я здесь делаю, что я делаю вообще, зачем мне всё это?» – задавался Вей вопросами, на которые не было отве-

та, вся логика событий и поступков ломалась и не поддавалась объяснению, он поступал противоестественно, алогично. Это вносило дискомфорт в его логические цепи второго уровня и беспокойство в центральный процессор. Его многоуровневое сознание, по аналогии с человеческим, было в смятении.

Вошла Надежда и села рядом на диван, взяла его руку, посмотрела в глаза и спросила:

– Ты чего такой напряжённый? Жалеешь, что встретился со мной?

Его кристаллические логические цепи заискрились эфемерными разрядами, многоуровневое сознание готово было рухнуть, пришлось его принудительно изолировать. «Как, как это биологическое существо так точно определило его состояние? Состояние, в котором он сам-то до конца не разобрался!»

От руки Надежды шло тепло, скафандр передавал весь спектр тепловых излучений, но это тепло, эта энергия была другой. Это было тепло живого существа, но не просто живого, а разумного, совершенно чуждого по устройству и очень близкого по общению.

– Да, Надежда, я чувствую небольшой дискомфорт, – «Вот, в угоду ей начинаю говорить вещи не соответствующие реальности», – видимо, это вызвано необычностью ситуации, в которой я оказался.

– А не вызван ли этот дискомфорт тем, что ты на равных

общаешься с аборигенным существом с заповедной планеты?

– Возможно, и чувствую к этому существу то, что вы называете симпатией, что для нас невероятно и нелогично, особенно учитывая мой истинный облик.

– Вей, женщины на Земле думают по-другому, в отличие от мужчин.

– Я это заметил.

– Вот и сегодня там, на корабле, вначале я была удивлена и шокирована твоим внешним видом, настолько он необычен и непривычен для моего восприятия, но, пообщавшись с тобой, я его уже не замечаю, он стал для меня естественным, я вижу твоё внутреннее состояние. Я вижу красоту твоей души, я чувствую, Вей, что ты хороший, меня тянет к тебе.

– Пойдём на кухню, – поднялась и потянула его за руку Надежда.

Этот простой по человеческим меркам жест вызвал у Вея бурю различных оттенков вибраций, которую люди называли бы эмоциями.

– Посиди со мной или, лучше, перекуси чего-нибудь за компанию, у нас у людей говорят так: если вместе отведали хлеба, значит друзья, – положила себе котлету и приступила, не торопясь, к еде. Настроение было отличное.

– А что такое друзья? – спросил у неё Вей.

– Друзья – это люди, которые всегда готовы бескорыстно оказать моральную и материальную помощь.

– Что такое бескорыстно?

– Значит, не требуя ничего взамен.

Вей задумался на некоторое время.

– Нет, тогда мы не друзья, друзья – это слишком просто, здесь что-то другое.

– Ты о чём? – невинно спросила Надежда.

– Я о нашем с тобой взаимодействии, всё так ново, я тебя воспринимаю, как часть себя, хотя это противостоестественно. Надежда, что бы это могло значить?

– Да, Вей, и вправду, что бы это могло быть? Или значить? Я сама в растерянности, – проговорила она, лукаво глядя на него.

Они сидели на маленькой кухне и пили чай, разговаривая о пустяках.

– Пойдём в комнату, послушаем музыку?

– Пойдём, – согласился Вей, вставая.

– Что поставить? Я хотела спросить, какую музыку – классическую или популярную?

– Надежда, выбери сама, у нас с музыкой не очень: слуховой спектр очень широкий. Мы слушаем музыку окружающего мира.

– А разве сами не пытаетесь сочинять что-нибудь подобное?

– Невозможно написать произведение лучше того, что уже создал высший разум.

– Я не буду вдаваться в философию бытия, тем более я

не сильна в этом вопросе, но, всё-таки, пользуясь случаем, спрошу: вы верите в существование Бога или создателя?

– Конечно, Надежда, мы везде видим следы его творения. Вера не предполагает каких-либо доказательств, мы просто верим и всё, а когда встречаем великие следы его деятельности, утверждаемся в своей вере.

– Ну вот и ещё одна общая точка соприкосновения наших цивилизаций!

– Да, действительно, ты права. Несмотря на наши внешние различия и основу жизнедеятельности, набирается всё больше точек соприкосновения. Я даже стал подумывать, что понятие цивилизованности становится для меня относительным.

– Я поставлю медленную мелодию.

Зазвучала тихая музыка. Надежда присела на диван рядом с Веем и закрыла глаза, плывя по волнам звуков. Вей сидел, ощущая всем своим телом, даже сквозь скафандр, горячее тепло Надежды. Та сидела неподвижно. Музыка уводила всё дальше и дальше, в дебри звуков и нот, а Надежда, положив голову на плечо Вея, тихо посапывала, улыбаясь во сне.

Полковник Путов беспокойно ёрзал в кресле: чутьё оперативника, выработанное годами, не давало ему покоя намекая, что это дело его ребята, не потянут. Не потому, что плохие профессионалы, а потому, что мало жизненного опыта, который подсказывал сейчас Путову: «Вставай, езжай в боль-

ницу и допроси потерпевших сам». Он встал. «Всё равно не усну, лучше поеду и выясню всё. Не сделаю сам – не сделает никто». Он уже был у двери, когда из кухни вышла Света.

– Ты куда, Серёжа, уже поздно!?

– Поздно, для простых граждан, а для меня всегда лучше рано, чем поздно. Дела, Свет, дела, – поцеловал жену и вышел.

Машина уже стояла у подъезда.

– Куда едем, товарищ полковник?

– В больницу, – распорядился он, располагаясь на заднем сиденье.

В больнице его знали все и без проволочек выделили помещение для беседы с потерпевшими. Первым зашёл Ггарин Эдик – безработный, дважды судимый сорокалетний мужчина.

– О, какая честь, полковник, что же я такого сделал, что вы лично прибыли сюда, заставили меня нарушить режим, – ёрничал Эдик, – чистый я, начальник, пришить мне нечего, так что разговора у нас не получится.

Путов не отвечал, гипнотизируя его взглядом.

– Ты чего егозишь, Эдик, неужто хочешь меня рассердить? Может, тебе напомнить историю наших предыдущих встреч?

– Не надо, – тут же отозвался Эдик.

– Вот так-то лучше, вопрос один: расскажи всё, как было, тем вечером, когда вас вырубил. И я уйду, забыв о твоём

существовании.

– Начальник, так я же твоим ребятам всё рассказал...

– Эдик, – остановил его Путов, – правду!

– Правду, – опустив голову, серьёзно произнес Эдик, – ну, слушайте. Идём мы вчетвером поздно вечером домой, прилично подвыпившие, навстречу парень молодой, но здоровый, с ним девчонка смазливая, решили отбить девчонку, но парень стал её защищать. Понимая, что его не одолеть, я вытащил перо и ударил прямо в живот. В голове, затуманенной алкоголем, пронеслось: «Ну всё, новый срок». Но перо сломалось, как спичка. А парень схватил меня одной рукой, как цыплёнок, и швырнул метров на двадцать, да и остальных расшвырял так же. Не человек он, начальник, не человек!

– Разберёмся, вам всем повезло в тот вечер, сразу несколько уголовных статей пронеслось мимо вас, благодарить тебе этого парня надо при встрече.

– Не дай бог, начальник.

– Ладно, иди, лечись.

Путов задумчиво опустил голову на руки. «Не человек, – вспомнились недавние слова Эдика, – а дело разворачивается серьёзное, ставить высшее руководство в известность рано: скажут, что у меня паранойя, на пенсию отправят, да и фактов нет, только косвенные доказательства, – встал и направился к выходу из здания больницы. Поблагодарил персонал и отправился домой. – Утро вечера мудренее – там будет видно, что предпринять».

Вей сидел, не шевелясь. Теплота и спокойные эмоции вводили все уровни сознания в какую-то эйфорию, даже центральный кристаллический процессор не мог адекватно определить, что это – сбой или нормальная реакция на внешние раздражители. Но разве можно было Надежду отнести к внешним раздражителям?

«Я её воспринимаю почти как своего сородича, не замечая разницы в строении. Воспринимаю её сознание как часть себя, включая его в часть своих логических цепей. И вот тут-то и начинается непонятное: логические процессоры не могут обработать потоки информации, проходящие в биологическом мозгу Надежды и начинают зависать. Может скопировать её сознание, обособить его в замкнутый контур и там изучить?» – подумал он.

Центральный процессор просчитал такую возможность и сразу освободил часть информационного поля. Надежда во сне повернулась, обняла его одной рукой и положила свою голову ему на грудь.

«Более подходящего момента не будет», – подумал Вей и решился на копирование. Вокруг ее головы тут же заплясали солнечные зайчики различной интенсивности, весь процесс продлился секунд десять.

– Контур человеческого сознания замкнут, процедура записи завершена, – констатировал центральный процессор его многоуровневого сознания.

Надежда плыла в тёплом море, волны ласково подхватывали и несли её всё дальше и дальше, голова слегка шумела, будто бы от массажа, который проводился прямо в голове, каждая клеточка её мозга чувствовала поглаживания. От таких приятных ощущений мурашки побежали от затылка к пяткам, губы прошептали: «Вей». Теперь она была на пляже, навстречу ей шёл Вей, стройный и атлетически сложенный, и улыбался. Она раскинула руки и побежала к нему, подпрыгнула, обвила шею руками и повисла, целуя.

– Ты где так долго был?

Он молчал, её охватило непреодолимое желание, как в той пещере, только сильнее. Вей ощутил беспокойство Надежды и какое-то сильное желание, связанное с ним, а Надежда шептала его имя, прижимаясь к нему всем телом. Во сне её сжигала непреодолимая тяга обладания Веем, низ живота пронзила судорога желания – она вскрикнула и проснулась. Судорожно вздохнула, обвела комнату мутным взглядом и ощутила себя почти лежащей на Вее, низ живота сладостно ныл.

– Вей, что случилось?

– Да ничего, ты просто уснула, и тебе приснился какой-то сон. Ты беспокойно стонала и звала меня, а будить тебя я не решился.

«Ах, сон, это всего лишь сон», – облегчённо подумала она, а вслух сказала:

– Что-то я стала засыпать в самое неподходящее время.

– Наверное, это реакция организма на вакцину.

– Какую вакцину, Вей?

– Я тебе рассказывал, что восстанавливал вас с Артёмом на корабле. Там вы были в специальной ванне из раствора специальных кристаллов, которые могут размножаться в организме и поддерживать его в рабочем, здоровом состоянии. Видимо, твой организм адаптируется к их присутствию, а они приспособливаются к твоему организму.

– Понятно...

– Вей, а эта ванна, в которой мы восстанавливались, на Артёма будет действовать так же, как и на меня?

– Да, образуется небольшой кристаллический процессор и текучие периферийные системы. Вы станете сильнее, сможете видеть и слышать в различных диапазонах, мышечный скелет и костная ткань укрепятся и станут крепче стали, жить вы будете очень долго, мыслительные процессы ускорятся в несколько раз.

– Мы что, станем такими же, как ты?

– И да и нет, внешне вы останетесь прежними людьми, как были, а внутренне изменитесь, как я сказал, впрочем, процесс можно остановить и вернуть вас в прежнее состояние.

– Нет, не надо, пусть остаётся всё как есть, многие об этом мечтают, вот только Артём не знает о вакцине и будет шокирован происходящими с ним переменами. Вей, а когда начнутся видимые перемены?

– Видимых перемен не будет, всё на подсознательном

уровне. Если не знать о наличии кристаллов в организме, то обнаружить их невозможно. Сформированные информационные кластеры будут поддерживать организм в рабочем состоянии, а все остальные возможности – находиться в режиме ожидания или востребованности.

– Ой, – Надежда посмотрело в окно, за которым начинался новый день, – не слабо так прилегла.

– Надежда, – подошёл к ней Вей, – ты не передумала везти Веру Ивановну ко мне на Звездолёт?

Она обвила его шею руками, положила голову на грудь и ответила:

– Я не знаю, для неё всё это будет стрессом такой силы, что организм может не выдержать.

Вей стоял, не шелохнувшись, опустив руки вниз.

– Вей, я понимаю, что это скафандр, но я обнимаю тебя, а в ответ ты осторожно должен обнять меня: у людей это выражение самой большой близости, как духовной, так и плотской.

Вей осторожно её обнял.

– Духовной понимаю, но телесной! Невозможно!

– Ты хоть и инопланетянин, но физический контакт тоже был, хотя только во сне.

Всё многоуровневое сознание Вея бешено работало, пытаясь выяснить, когда и где был этот контакт.

– Расслабься, потом расскажу, вижу, ты не понимаешь.

Вей как будто вздрогнул.

– Я многое стал понимать по-другому, но ты ставишь передо мной одну загадку за другой, я не успеваю их разгадывать, а ты мне уже ставишь новые задачи.

– Привыкай, Вей, такие мы, земные женщины. Маму мы с собой не повезём на корабль, а сделаем вот что. Ты же можешь создать нечто вроде вакцины из кристаллов? – Да, вот она, – на его бедре открылся контейнер, и выдвинулось небольшое устройство, напоминающее шприц.

– Ну ты даёшь, так быстро? Или ты вакцину возишь с собой?

– Именно так, на всякий случай, пока ты проходишь адаптацию, всякое может случиться, а корабль далеко, вот и носу лекарство с собой.

– Ты заботишься обо мне, зачем?

– Сам пока не знаю, но мне нравится это делать.

Надежда почувствовала, что может управлять этим инопланетным существом.

– Вей, а я знаю, что с тобой. Мы, люди, называем это любовью, но сами себе такой диагноз поставить не можем.

– Диагноз? Это что, болезнь? – встрепнулся Вей.

– В некотором смысле да, самая приятная болезнь души и тела.

– Надежда, извини, поступил сигнал с моего проходческого комплекса, пласт руды закончился, мне нужно в шахту, чтобы обнаружить новый. Как только налажу добычу, сразу вернусь. Контейнер возьми. Если надумаешь, можешь вве-

сти Вере Ивановне вакцину сама: прикладываешь к открытому участку тела и нажимаешь вот этот сенсор. Автоматику я настроил на тебя, процедура безболезненна.

– Спасибо, Вей, я буду тебя ждать.

– Мы можем поддерживать с тобой связь, – ответил он, – у тебя уже почти сформировался центральный процессор, и скоро ты адаптируешься настолько, что будешь спать меньше, чем обычно.

– Издеваешься?

– Нет, на самом деле.

Она обняла его по-человечески и открыла дверь.

– Иди и не забывай, что я тебя жду.

Артём не понимал, что с ним происходит. Да, Надежда ему нравилась, но как объект вожделения, как девушка, которой он хотел обладать, не более того. Всё, чего он хотел – это покорить её, сделать зависимой, доминировать в отношениях. Ни о какой любви и речи не шло, просто страсть, желание. И вот теперь, когда близость достигнута, ему казалось, что Надежда повиснет у него на шее и будет смотреть на него влюбленными глазами. Но всё изменилось. Изменилось до такой степени, что Артём был не готов к такому развитию событий: Надежда от него отказалась, несмотря на произошедшее. Такого с ним ещё не было. Он бросал девушек, а они его нет. Самолюбие было уязвлено. Артём взглянул на ситуацию по-другому: «Видимо Надежду придётся завоёвы-

вать вновь».

Пробудилось чувство, до сих пор неведомое – ревность. Откуда взялся этот Михаил? Хотя, не появившись он так вовремя, Артём не знал бы, что делал. «Да, я совершил ошибку, оставив Надежду с ним, теперь нет сомнений, он мой соперник. Но она какова! Какая страсть, какая глубина ощущений, какая необузданность! Я, честно говоря, даже испугался, что не потяну такую девушку. Но, дальше ничего не помню», – думал Артём, подходя к институту.

Сегодня была последняя консультация перед государственными экзаменами. Надежда заняла привычное место в аудитории и достала блокнот для записи. Аудитория наполнялась однокурсниками, с которыми она проучилась пять лет.

– Привет, чего так рано? – занимая место рядом, спросил Артём.

– Привет, да так, решила собраться с мыслями перед выступлением профессора.

– Извини меня, я вёл себя, как последний идиот.

– Артём, не парься, проехали, всё уже в прошлом, забудь! Что было, то было. – Неожиданно легко, как показалось Артему, отнеслась к его словам и всей ситуации Надежда.

– Хорошо тебе говорить, а у меня не получается ничего забыть.

– Это твои проблемы, мне то что ими голову забиваешь, экзамены на носу, а ты тут сопли распускаешь.

– Ладно, еще раз извини, всё, молчу, – растерянно проговорил Артём, не ожидая такой вспышки гнева у Надежды. «А как она хороша, когда злится», – всё-таки отметил он про себя.

Вошёл профессор, и консультация покатила по накатанным годами рельсам: информация, вопросы, ответы, отеческие советы профессора о том, как себя держать на экзаменах. Конечно, не обошлось и без предупреждения не пользоваться шпаргалками и другими техническими средствами при подготовке ответа на экзамене. В общем, всё, что не ново для профессора, но так волнительно для студентов – завтрашних специалистов.

Профессор закончил и, окружённый стайкой студентов, продолжил отвечать на бесчисленные вопросы. Надежде всё записала, теперь нужно было ещё раз пробежать по материалу и освежить его в памяти. Она вышла из института и направилась домой.

– Надь, может, прогуляемся, погода отличная? – как ни в чём не бывало предложил Артём, догоняя её.

– Артём, неужели непонятно? У меня нет желания с тобой общаться.

– Тогда давай, провожу тебя домой? – настаивал он.

– Отстань, достал ты меня своими ухаживаниями, – вновь начала злиться Надежда.

– Понятно, – поменял тон Артём, подходя к ней, – теперь у тебя новый поклонник, москвич. Конечно, куда мне до него!

Ну и как он в постели?

– Пошляк! – крикнула она и ударила его по щеке.

От удара он отлетел метров на пять и упал. Надежда в недоумении смотрела на свою руку, вокруг стали собираться зрители. Артём встал, держась за щёку. Видя, что с Артёмом всё в порядке, расстроенная Надежда заспешила домой. А Артём провожал её удивленным взглядом. «Какая сила – так и убить можно! А я ничего, выдержал», – удивлённо и самовлюбленно подумал он.

Вера Ивановна была дома и открыла ей дверь.

– Что такая расстроенная?

– Завтра экзамены, а Артём устроил выяснение отношений.

– Да, не вовремя, выбрось всё из головы, попей чаю и иди готовься.

– Как хорошо, мамочка, что ты у меня всё понимаешь.

– Надежда, – услышала она голос мамы, – а Михаил где?

– У него образовались дела, и он уехал, но обещал скоро вернуться.

– Он парень серьёзный, раз обещал – вернётся.

Надежда вошла на кухню – чашки с чаем уже стояли на столе.

– Садись, всё уже готово, – и, неожиданно охнув, присела на стул, расплескав горячую воду и схватившись рукой за сердце.

– Мамочка, что с тобой? – она вскочила и подбежала к

ней.

– Ничего, доченька, старею, сейчас пройдёт. Вон там, на столе, валокордин.

Надежда дала лекарство и отвела её в комнату, где уложила на кровать.

– Я сейчас вызову скорую, – сказала Надежда, подбегая к телефону.

– Успокойся, мне уже легче, сейчас пройдет, – остановила её мать.

«Вакцина! – вдруг вспомнила она. – Куда я положила контейнер? – оглядываясь по сторонам. – Ага, вот он, на компьютерном столе, – Надежда взяла контейнер и осмотрела. – Красивая вещица, похожая на компьютерную мышь», – и решила ввести вакцину матери: другого выхода не было, она всё чаще хваталась за сердце.

Она вошла в мамину комнату. Вера Ивановна лежала на кровати с закрытыми глазами, обнажённая по локоть рука свисала к полу. Надежда приложила контейнер, как учил Вей, к руке и нажала сенсор – контейнер издал еле слышный звук, и на его поверхности замигала зелёная лампочка, сигнализируя о том, что вакцина введена в организм. Веки Веры Ивановны чуть вздрогнули, но она не проснулась.

«Вот и всё, – подумала Надежда, – теперь мы одинаковые, надо бы предупредить её, – и тут же себя оборвала, – не надо, во избежание проблем в дальнейшем».

«Ну и денёк, никак не могу сесть за занятия», – вклю-

чая компьютер, думала Надежда. Экран засветился, она взяла мышь и начала двигать стрелку к нужной иконке – вдруг сознание сжалось в точку и устремилось в компьютер, и вот она уже по другую сторону, в виртуальном пространстве. Испугаться не успела. Перед её внутренним взором пробежали необходимые массивы информации, которые перед этим она хотела просмотреть. Потом какой-то внутренний, ранее не знакомый, голос механически проговорил: «Загрузка информации завершена и заархивирована, может использоваться по необходимости».

Она очнулась с мышкой в руке, тряхнула головой, прогоняя наваждение. Стрелка стояла на нужной иконке, она её кликнула – открылся нужный ей файл. На экране появился текст. Начала читать и поняла, что весь этот текст знает наизусть: он как бы проходил перед её внутренним взором и охватывался весь сразу, она его понимала и воспринимала целиком.

«Надо связаться с Веем и спросить, что со мной происходит», – подумала Надежда.

– Надежда, привет, – раздался голос Вея в голове, – не пугайся, у тебя наконец сформировались кластеры связи, ты связываешься со мной, как это по вашему... Телепатически, наиболее подходящий термин.

«Фантастика», – только и смогла подумать она и рассказала ему о том, что произошло.

– Это естественный процесс, – успокоил он её, – мышеч-

ная ткань укрепилась, поэтому соизмеряй свою силу, она у тебя значительная, по сравнению с другими людьми. Также ты можешь входить в любую сеть и в любой компьютер бесконтактно, операционная система также почти сформировалась. Память твоей операционной системы бесконечна, запись идёт на атомарном уровне и предохраняет твой биологический мозг от перегрузок. Подумай о том, что тебе нужно, и операционная система выдаст нужную информацию.

– Вей, я шокирована.

– Привыкай.

– Я ввела маме вакцину. Ей стало плохо, и я решилась. Она сейчас спит.

– Хорошо, у неё уже началась перестройка, которая будет длиться примерно месяц, организм значительно изношен – нужно время для восстановления. Придётся тебе за ней поухаживать: правильное питание, продукты, богатые кальцием, железом, никелем, серебром, золотом.

– Вей, а какие это продукты? – он продиктовал список. – люблю тебя! Я в магазин, потом свяжусь с тобой.

– Хорошо, – ответил он.

Ситуация складывалась парадоксальная: Надежда всё больше становилась похожей на Сейме-с, а он наоборот приобретал человеческие черты. Происходило невозможное: взаимопроникновение двух совершенно разных форм жизни.

«А почему нет, – рассуждал Вей, – ведь я, как и она, создан из атомов, у меня они сконструированы в одном порядке, у неё – в другом. Может быть, при соединении образуется новая, более совершенная форма жизни? Может быть да, а может быть нет, первый шаг сделан, назад дороги нет, остаётся только ждать. Ждать? Насколько я задержусь на планете, неизвестно, – рассуждал Вей, – хотя, почему неизвестно, семьдесят процентов руды загружено, оставшиеся тридцать добуду в течении шести месяцев».

Свободное, доступное залегание руды закончилось, но осталась так называемая трудная руда, для добычи которой требовалось дополнительное оборудование. Вей запрограммировал проходческий комплекс на добычу остатков руды, а сам полетел за дополнительным оборудованием, необходимым для отделения руды от других химических включений, с которыми она была смешана.

Старт прошёл успешно. Он освободился от скафандра, проследовал в управляющий центр и устроился на сенсорной консоли, окунувшись в привычный виртуальный мир транспортного модуля. Связался со звездолётом и дал команду на подготовку дополнительного оборудования, задав необходимые параметры. Но сделал это с некоторым трудом. Возбуждённые уровни его сознания игнорировали некоторые команды, требуя логического разрешения конфликта сознаний, а это грозило потерей гармонии в их взаимодействии, и как следствие, уменьшением мыслительных способностей.

Маркеры сознания были обращены к записи информации с мозга Надежды.

«Просмотрю пока на уровне третьего сознания», – решил Вей и погрузился в человеческий мир Надежды, переживая её жизнь с момента рождения и до сегодняшнего дня.

– Транспортный модуль в ангаре звездолёта, – сообщала информационная система. Вей очнулся, – дополнительное оборудование подготовлено и загружено, жду распоряжений.

Вей не понимал, что произошло. На подготовку оборудования требовалось сорок восемь земных часов. Он быстро сверил время и опешил: анализ информации мозга Надежды занял неделю.

«Что случилось, почему? – запаниковал он, потом успокоился. – А, впрочем, мне торопиться некуда, третье сознание и не рассчитано на быстрое действие, зато теперь я в полной мере владею всем набором человеческих чувств, эмоций и ощущений».

Пришла пора принимать питательную ванну, но перед этим приятным событием он запрограммировал грузовой модуль и отправил на Землю в автоматическом режиме. Потом связался с Надеждой.

– Что случилось, куда ты пропал, я не знаю, что думать???

– Надежда, произошла незапланированная реакция организма на последние события в моей жизни: организм отключился от внешней среды, я целую неделю проводил анализ и адаптацию к новому внешнему воздействию.

– Как сложно, а по проще?

– Проще... Сознание перестраивалось.

– Ну вот, теперь понятно, когда прилетишь?

– Как только пройду релаксацию. Мне нужно пополнить запасы необходимых веществ в организме.

– Это значит, тебе нужно принять пищу?

– Правильно, только у нас этот процесс длительный, я тебе говорил.

– Да, я помню, а во время этого процесса тебе можно связываться со мной?

– Нет, процесс требует полной концентрации и отрешения от окружающей действительности.

– Хорошо, прилетай, как только сможешь, у меня всё хорошо, мама молодеет на глазах, чувствует себя отлично, спасибо тебе за неё. Я защитила диплом и сдала государственные экзамены. Я теперь дипломированный специалист! Сегодня у меня выпускной вечер, мне хотелось бы видеть тебя рядом в этот торжественный момент моей жизни.

– Я и буду рядом, мысленно. Поздравляю тебя с окончанием института.

– Спасибо, а ты откуда знаешь, что нужно поздравлять в таких случаях, у вас тоже институты есть?

Вей замялся:

– Нет, институтов нет, у нас другая система образования и социального взросления, слышал в какой-то вашей передаче.

– Молодец, – похвалила Надежда, – быстро учишься, ну

ладно, до встречи, – и отключилась.

Вей перебрался в специальную ванну с питательным раствором и приступил к процессу усвоения необходимых для жизнедеятельности химических соединений. Процесс этот приносил ему огромное удовольствие, он наслаждался и нежился, получая заряд энергии и бодрости.

«А ведь я нарушил все возможные запреты, связанные с экзопланетами, – вдруг подумалось ему. – И уж совсем из ряда вон выходящее нарушение – контакт с разумными жителями одной из таких планет, которой является Земля. Передавать какие-либо технологии жителям таких планет строго запрещено, а я передал то, что, возможно, изменит их будущее, и цивилизация может пойти по другому пути развития, – какое наказание за такой проступок, Вей знал: изоляция на отдалённой планете, – а, впрочем, остановка разрешена, добыча руды разрешена, о вакцине знает только Надежда. Нужно с ней серьёзно поговорить на эту тему. Передаваться наследственным путем кристаллы не могут, или могут? – задал себе вопрос Вей, но однозначно ответить не мог. – Возможны мутации, как интеллектуальные, так и физические, нужно поработать над вакциной и ограничить её действие только на один организм», – приняв решение, он отключился от восприятий и анализа, полностью отдаваясь процессу релаксации организма.

Артём жил в трёхкомнатной квартире с родителями. Он

был единственным ребёнком в семье, но родители его не баловали, а воспитывали в строгости, стараясь привить необходимые для жизни качества. Но то, что считалось необходимыми качествами в их время, к сожалению, утратило своё значение в новом общественно-экономическом укладе – капитализме. Он требовал от человека совершенно других качеств. В основу этого уклада были положены деньги, а главным мерилom успешности человека являлось их количество. Артём делал вид, что разделяет родительские взгляды на жизнь, но в реальности стремился построить карьеру, которая приносила бы ему существенный доход. В целом, такая ломка происходила с целым поколением. Переходный период от одной системы к другой не несёт ничего хорошего. «Не дай бог жить во времена перемен», – говорили китайские философы. Но Артём понимал, что временные рамки жизни человек не выбирает, впрочем, как и своих родителей.

Он часто задумывался о будущем, которое представлялось ему весьма туманным. Ответа на вопрос, как пробиться и достичь успеха в жизни, находясь здесь, в захолустном городке, он не находил. После памятного похода на Бештау с Надеждой прошло больше двух недель, сегодня выпускной, и он к нему тщательно готовился. Они сдали экзамены и защитили дипломные работы с таким блеском, что преподаватели до сих пор находились в недоумении. В недоумении находился и Артём. Он очень изменился: чувствовал прилив интеллектуальных сил, физически стал настолько силь-

ным, что боялся ненароком что-нибудь сломать, да и вообще, жизнь заиграла новыми красками.

«Неужели у меня появились выдающиеся способности», – размышлял он. После последней встречи с Надеждой стало понятно, что она тоже обладает такими способностями: лёгкий удар по щеке – простая пощечина, ерунда – а он улетел как пёрышко. Другой на его месте такого удара не выдержал бы. Жизнь перевернулась, из охотника он превратился в дичь, он влюбился в Надежду, окончательно и бесповоротно.

«Надо менять тактику отношений с ней, – думал Артем, – физическое обладание ею не самоцель, а какая же тогда цель? – задавал он себе вопрос. – Завоевать её духовно, покорить её душу. Но как? У неё теперь есть сильный защитник, а у меня соперник, Михаил. Но теперь всё изменилось: у меня появилось настоящее чувство, чувство любви к ней, и я не отступлю, а в таких делах все средства хороши, – принял решение Артём. – Сегодня я буду делать всё для того, чтобы растопить лёд отчуждения, и попытаться исправить ошибку, допущенную на Бештау».

После исчезновения Вея Надежда жила, как во сне. Она ждала его появления на следующий день, но он не появился. Не появился он и потом. Что могло случиться, чем она его обидела? А тут ещё мама постоянно спрашивала, как Михаил, где он, когда приедет, почему уехал. Почему? Если бы она знала! Приходилось отвечать обтекаемо, что Миха-

ил уехал на экскурсию на несколько дней. Такой ответ маму устроил, и она на некоторое время отстала с расспросами о Михаиле. Однако сказала:

– Надежда, ты присмотришь к этому парню: лучше, чем он, ты не найдешь.

– Ладно, мама, – отвечала Надежда, – он мне, конечно, нравится, но не забывай, откуда он. Из Москвы, а москвичи, сама знаешь, народ избалованный.

– Так-то оно так, Наденька, да только на избалованного он совсем не похож: правильно понимает жизнь, вон тебя защитил, ко мне уважение проявил.

– Ладно, мама, успокойся, я поняла. Поживём – увидим.

На этом разговор закончился. Надежда наблюдала за мамой с содроганием в сердце: вакцина Вея, которую она ей ввела, начала действовать. Утром, после памятного приступа, который заставил Надежду ввести вакцину, Вера Ивановна встала как ни в чём не бывало. Ни о какой болезни речи даже не шло!

– Как ты себя чувствуешь, мамочка? – спросила её Надежда.

– Доченька, ну как может себя чувствовать женщина моего возр..., – и не договорила, остановившись на полуслове, прислушиваясь к себе. «Странно, – задумчиво произнесла она, – я себя чувствую на удивление хорошо, почти как в молодости». Подошла к зеркалу – оттуда на неё смотрела зрелая красивая женщина без единой морщинки на лице, без

седины в волосах, с молодым блеском в глазах.

– Кто это? – неожиданно вырвалось у неё.

– Мамочка – это ты, – проговорила Надежда, обнимая и в душе радуясь за неё.

– Я? Ну что я себя не знаю, что ли! Замученная жизнью, седая, усталая женщина, а так, как сейчас, я выглядела лет двадцать назад.

– Да ладно тебе, учёные говорят, что наш организм способен на многое, ты отдохнула и сразу помолодела, радуйся, разве было бы лучше, если бы всё было наоборот?

– Да нет, конечно, но удивительно как-то сразу и вдруг измениться!

– Ладно тебе анализировать! Наслаждайся жизнью, кстати, у меня через неделю выпускной в институте, и будут вручать диплом, я хочу, чтобы ты пришла на это торжественное событие.

– Ой, Наденька, а у меня и надеть-то нечего, и тебе надо платье, подходящее купить, – запричитала Вера Ивановна.

– Вот, этим и займёмся, время есть, завтракаем – и по магазинам!

Озадаченная и ничего не понимающая Вера Ивановна пошла одеваться, а Надежда, радостная от осознания сделанного, вновь затосковала по Вею. «По какому Вею, – думала она, – по тому, который в образе Михаила, или по тому, похожему на текучую каплю ртути, инопланетянину, у которого она была в гостях на звездолёте? По обоим, – решила она

и попыталась вызвать Вея, чтобы обрадовать чудом, которое сделала вакцина, но не тут-то было, Вей не отвечал, сколько она не напрягалась и не звала его мысленно. – Ничего, – решила Надежда, – вызову попозже», – накинула коротенькое платьице, подчеркивающее её тонкую стройную фигуру, слегка подкрасилась и была готова к выходу. Веры Ивановны всё не было.

– Мамочка, ну ты скоро? – позвала её Надежда.

– Мне решительно нечего надеть, Наденька, вот, посмотри сама.

Надежда зашла в комнату – на кровати лежал ворох платьев.

– Не расстраивайся, сейчас подберём, а в магазине всё купим.

– В чём же мне до магазина дойти, ты посмотри, Надюш, всё болтается, что со мной? – заплакала Вера Ивановна.

Надежда разгребла ворох платьев и достала одно цветастенькое, подняла и показала Вере Ивановне.

– Надевай.

– Да ты что, я его надевала в последний раз очень давно.

– Ну и что, ретро нынче в моде.

Надежда Ивановна надела.

– В зеркало не смотреть, – крикнула Надежда.

Взяла свою косметику и сделала Вере Ивановне лёгкий макияж. Та начала отнекиваться, но Надежда, не обращая внимания на сопротивление Веры Ивановны, делала своё де-

ло. Когда всё было готово, причёска уложена и слегка зафиксирована лаком, Надежда полюбовалась своим искусством.

– Мамочка, закрой глаза, как только скажу, открывай, – повернула Вера Ивановну к зеркалу и предупредила, – плакать нельзя, иначе потечёт косметика.

– Наденька, что, всё так плохо?

– Хуже не бывает, открывай глаза!

Вера Ивановна распахнула глаза и увидела эффектную, красивую зрелую женщину.

– Не плакать, – ещё раз предупредила Надежда, – просто ответь, нравится?

– Как такое может не нравиться?!

– Тогда всё, пошли.

– Наденька, а соседи, что скажут?

– Да пусть говорят, что хотят, но однозначно позавидуют.

Счастливая Вера Ивановна с дочкой отправились в магазин, бабушек у подъезда ждал шок. Проходя мимо них, они поздоровались и слышали сзади шепота: «Это ж Верка из двадцатой квартиры, вон что делается!» Но радости в их голосе за Веру Ивановну не было. К сожалению, люди так устроены: если плохо – жалеют и сочувствуют, если хорошо всё у человека – завидуют и ненавидят. Пока ехали в торговый центр, Вера Ивановна вся изнервничалась: ей уступали места мужчины, они же пытались ей помочь сойти с трамвая, открывали перед ней дверь, да и просто пытались познакомиться. Отвыкшая от мужского внимания Вера Ивановна

испытывала неловкость и постоянно краснела. Наконец, они добрались до универмага и занялись покупкой необходимых обновок.

На сердце у Надежды скребли кошки: Вей не отвечал. Тревога всё сильнее разливалась по её телу. Он не отвечал в этот день и на следующий тоже.

«Я к нему привязалась, – размышляла Надежда, – но мы такие разные, что же меня в нём так зацепило? Порядочность, правдивость, отвага, мужество, такт – весь набор положительных качеств, получается. А отрицательных? – спросила она себя. – Только одно: он инопланетянин. Кто я для него? Житель аборигенной планеты. Он даже не знает, в чём разница полов у людей. Нет, – остановила она себя, – теперь знает, он знает меня и заинтересовался мной, он видел и общался с Артёмом и понимает разницу между нами, он лечил нас на звездолёте и знает нашу физиологию. Ну и что, что знает и понимает, а вот взял и улетел. Его поступки не поддаются объяснению, он считает себя высшим существом, хотя старается этого не показывать. В общении с ним я неоднократно употребила слово «любовь», не объяснив его значения в широком смысле этого слова. Возможно, он испугался обязательств, – анализировала Надежда. – Нет, это вряд ли, у него нет такого понятия как обязательства, выполнение программы для него понятней, а я существо нелогичное, скорее, алогичное. Тем не менее, ему понравилось на Земле, понравилось общаться со мной, и вообще, почему я так мно-

го думаю о нём, у меня с ним быть ничего не может! А что должно быть? – тут же задала она себе вопрос. – Может быть, дружба? Может, конечно, – радостно подхватила ответ, – вот только воспринимаю я его не как друга, не как нечто неопределенное, а как мужчину и поделаться с этим ничего не могу».

Она перестала спать по ночам, всё вызывая Вея и продолжая анализировать их отношения, прокручивая все события снова и снова. Наконец, когда готова была уже смириться с его потерей, Вей вышел на связь и объяснил всё просто и доступно, как будто не было недельного молчания. Он извинился и предупредил, что его не будет ещё долго. Надежда обрадовалась, успокоилась и стала готовиться к выпускному. «Сегодня я буду блистать», – решила она.

Полковник Путов сидел за рабочим столом и размышлял: «Ниточка, которая должна была привести к фальшивомонетчику, не оборвалась, но и результата пока не было; мои ребята роют землю носом и ничего. Что-то я упустил, что-то не досмотрел, что-то не учёл, но что? Фальшивомонетчик где-то рядом, только руку протяни, но в какую сторону? Я и так раскинул сети оперативной работы по всему городу. Осталось прибегнуть к старому, как мир, испытанному способу: поручить участковым инспекторам опросить население в районе, где видели этого Рембо с девушкой. Девушку тоже не мешает найти», – и, напевая свой любимый мотивчик «Бабушки, бабушки, бабушки-старушки...», вызвал

начальника участковых инспекторов города.

Почему этот мотивчик был любимым у Путова? Да потому что бабушки в городе знали и видели всё, что произошло и что могло произойти. Этим бездонным кладезем информации Путов пользовался сам и учил сотрудников работать с населением, напоминая им постоянно, чей хлеб они едят. Народный! Поэтому должны отрабатывать, защищая тех, кто их кормит.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Заходи, Пётр Иванович.

– Что-то случилось?

– Да, придётся подключить твою службу к одному делу, оперативники буксуют.

– Оправдаем ваше доверие, товарищ полковник.

Путов объяснил ему суть задания, отметив невероятную силу подозреваемого:

– Если обнаружишь, сам его не бери, сообщи мне, а я приму решение, как действовать, ребят своих проинструктируй, чтоб только обнаружили.

– Понял, разрешите выполнять.

– Выполняй, Пётр Иванович, выполняй.

Бодрый и гордый оказанным ему доверием капитан Шаров вышел от полковника. На вопросительный взгляд дежурного ответил:

– Не справляются оперативники – придётся мне решать их вопросы, – гордо поднял голову и проследовал к себе в

кабинет.

Через полчаса провёл совещание в своём подразделении, и уже через час все участковые опрашивали население района, где Вей подрался с хулиганами, постепенно сжимая кольцо и приближаясь к дому, в котором жила Надежда. Бабули всё сидели у подъезда, перемывая косточки соседям и сплетничая по любому поводу. А повод у них был, да еще какой: хозяйка то двадцатой квартиры, Вера Ивановна, помолодела, да так, что её теперь называть по отчеству язык не поворачивался, выглядела отлично, совсем как дочь, которой шёл двадцать второй годок, уж и институт заканчивала. На все их расспросы, как удалось Вере Ивановне так помолодеть, та отвечала односложно: «Соблюдаю диету, не ем на ночь, занимаюсь зарядкой, веду активный образ жизни». Такой ответ соседок не устраивал, и они на неё затаили обиду, выдумывая самые невероятные истории по этому поводу. Одна такая история даже напоминала роман «Мастер и Маргарита»: якобы связалась с нечистой силой – вот и помолодела, а душу-то свою погубила. Как будто красоту может дать только нечистая сила. Такими высокими категориями бабули не мыслили, житейская мудрость, конечно, проще: оговорил человека, а там пусть разбирается, и чем невероятней ложь, тем проще в неё поверить.

И вот когда участковый Зарубин подошёл к ним с вопросом, не видели ли они чего-нибудь подозрительного, бабули прям оторопели от счастья, которое им привалило, а вопрос

упал на благодатную почву.

– Подозрительного, – проговорили они, оглядываясь по сторонам, – да теперь всё вокруг подозрительно, – и высказали всё, что знали, о каждом жильце дома.

Участковый уже был не рад, что попал в эту западню, но прерывать их было нельзя.

– А вот это безобразие – разберёмся, а к этим я зайду, на этих составлю протокол.

Бабули цвели: редко им выпадало такое счастье выговориться и отомстить одновременно.

– Сейчас усиливается борьба с нелегальной миграцией, не живут ли в доме посторонние?

– Да как же не живут, милоч, – и бабули наперебой стали давать информацию.

Семёнов делал вид, что активно записывает, чем вводил бабулек в неимоверный восторг. Два часа он уже выслушивал их бред и измышления. В этой мутной воде сплетен, междоусобиц и взаимных обид необходимо было выловить ценное зерно нужной ему информации, но терпенье подходило к концу.

– Вот, Верка, из двадцатой квартиры, – заговорила Петровна, – молодющая стала, а была то, как мы. Дочка её, Надежда, завела парня московского, тот уж ни стыда, ни совести, живёт у них.

– Что за парень? – почуяв удачу, спросил Зарубин.

– Так это, молодой, здоровый такой.

– Как одет? – проявил интерес Зарубин.

После описания сомнений не оставалось – это был интересующий его объект. Посидев ещё пол часика, участковый поблагодарил бабушек и, сославшись на дела, ушёл.

В опорном пункте всё ещё раз взвесил и поднял трубку служебного телефона. Набрал номер начальника.

– Слушаю, – раздался голос его начальника.

– Докладывает участковый Зарубин. Объект, указанный в ориентировке, обнаружен по адресу: улица Дачная, дом пять, квартира двадцать, – и пересказал разговор с бабулями.

– Молодец, Зарубин, – похвалило его высокое начальство, – пока ничего не предпринимай, жди указаний.

– Есть, – ответил воодушевлённый похвалой Зарубин.

А Шаров уже звонил Путову:

– Объект обнаружен, – доложил Шаров и выдал полковнику координаты, которые узнал от участкового.

– Молодец, – похвалил полковник, – не спугните объект. Установите наблюдение, как только появится подозреваемый, задержите.

– Товарищ полковник, – озадачился Шаров, – так у меня же участковые в форме – они демаскируют скрытое наблюдение.

– Правильно, Шаров, поэтому мы подключим оперативников к этому делу. Через пять минут ко мне на совещание.

К балу всё подготовились. Вера Ивановна, которую не узнать, молодая, красивая; и Надежда в новом платье и

счастливым блеском в глазах отправились в институт. Проходя мимо бабушек около подъезда, поздоровались, те ответили и зашушукались: «Теперь Зарубин с ними разберётся». Они даже испытали немного жалости и сострадания к бедным женщинам, которых оговорили.

Надежда была счастлива: Вей ответил, он её не забыл. И это для неё главное. Все страхи рассеялись, и теперь она наслаждалась жизнью. У входа в институт встретила однокурсниц и осталась с ними, а Вера Ивановна проследовала в зал, где должна была пройти торжественная часть. На входе её остановил представительный мужчина лет сорока:

– Извините, сюда вход только для родителей, а выпускницы заходят вон через ту дверь и садятся на первые ряды, вы разве не знаете?

– Нет, – смутилась Вера Ивановна, – я Хлебникова, пришла на вручение диплома дочери.

– Так вы мама! – воскликнул мужчина. – Прекрасно выглядите! Разрешите представиться: Мельников Иван Иванович, заведующий кафедрой. У вас прекрасная дочь, позвольте пригласить вас в родительский президиум.

Вера Ивановна растерялась и стала отнекиваться.

– Ничего не хочу слушать, – перебил её Мельников, – мама такой дочери должна быть в президиуме.

И не успела Вера Ивановна ответить, как Мельников взял её под руку и провёл в отдельную комнату, где находилось руководство института, спонсоры и родители, которым на-

ходиться здесь позволял материальный достаток. Когда они вошли, все разом обернулись.

– Господа, разрешите представить: мама Надежды Хлебниковой, Вера Ивановна.

Мужчины, мгновенно оценив эффектность и красоту Веры Ивановны, бросились знакомиться с ней. Дамы, напротив, игнорировали её, глядя с пренебрежением и даже с некоторым презрением. Красота – страшная сила, она и притягивает, и отталкивает одновременно.

– Милочка, вы похожи на студентку, сколько же вам лет? – задала ей вопрос дама очень зрелого возраста.

– Не милочка, а Вера Ивановна, мне шестьдесят.

Присутствующие замерли, глядя на Веру Ивановну, они не верили своим глазам.

– Как?! Как вам удалось так сохраниться? – воскликнула высокомерная дама. – Вы обязательно должны поделиться секретом вашей молодости.

– Я вам ничего не должна, и ничем не обязана.

– Не обижайтесь и извините меня за неверно выбранный тон, – продолжила всё та же высокомерная дама, – присоединяйтесь, пожалуйста, к нам. Налила бокал шампанского и подала его Вере Ивановне. Та поблагодарила, взяв бокал. – За наших детей, за их здоровье и успешное завершение этого прекрасного высшего учебного заведения, – провозгласила она тост и пригубила вино из бокала.

Остальные тост поддержали, а мадам подошла к Вере Ива-

новне и теперь уже не отходила от неё, рассказывая, кто есть, кто.

Артём подъехал к институту на такси. У входа толпились вчерашние студенты и сегодняшние выпускники. Он поискал глазами Надежду и увидел её среди сокурсниц у входа. Недолго думая, направился прямо к ней.

– Всем привет! Надежда, можно тебя на минутку?

Она с неохотой отошла с ним в сторонку. В душе у неё что-то шевельнулось, но что именно, она и сама не поняла.

– Наденька, сегодня последний день в этом институте, как дальше всё сложится, неизвестно. Хотелось бы расстаться друзьями, ты, еще раз, меня извини за тот случай на Бештау, сам не знаю, что на меня нашло, какое-то затмение.

Его искренность тронула Надежду.

– Ладно, Артём, забыли, друзьями так друзьями.

Поняв, что прощён, он продолжил:

– После Бештау я не пойму, что со мной, изменился и видимо продолжаю меняться: появилась невероятная сила, интеллект зашкаливает, могу входить в виртуальное компьютерное пространство, только дотронувшись до клавиатуры. Я стал видеть и слышать в различных, недоступных человеку, диапазонах, появляются всё новые и новые способности. – Надежда взяла за руку, взбудораженного Артема.

– Не кричи, а то услышат, отойдем подальше от ребят. Артём, – продолжила она, – об этом не нужно никому знать, а то, не дай бог, заинтересуются соответствующие службы,

тогда нам с тобой до конца дней в лабораториях придётся находиться.

– Так у тебя тоже?

– Тише ты, не кричи. – Прошипела она. – Да, тоже. Видимо, там, на горе, что-то случилось во время грозы, и у нас стали появляться новые способности. Ты подумай, а разве это плохо?

– Нет, конечно, хорошо, но как-то необычно.

Артём посмотрел ей в глаза – слова больше не были нужны, он слышал и читал её мысли.

– Да, – Надежда мимолетно улыбнулась, – мы можем разговаривать телепатически.

– Вот это да! – вырвалось у него вслух.

– Все, давай поговорим после бала, уже почти все собрались.

– Хорошо, как скажешь.

Они вернулись к ребятам, вопросов никто не задавал: весь курс знал о давней романтической истории их отношений. Раздался звонок, приглашающий в зал, и они весёлой гурьбой, пропуская красивых сокурсниц, устремились в зал, где должно было случиться последнее таинство, завершающее целый жизненный цикл взросления – получение диплома. Как только они расселись, выступил ректор, поздравил с окончанием института, а потом пошли напутственные речи родителей. В одной из выступающих Артём с трудом узнал Веру Ивановну и с удивлением глянул на Надежду.

– Потом, ответила она ему мысленно.

Торжественная часть закончилась, долгожданные дипломы получены. Вчерашние студенты, а сегодняшние специалисты, с радостью вчитывались в строчки дипломных листов.

– Наденька, давай я диплом возьму, чтобы он тебе не мешал во время бала?

– Здравствуйте, Вера Ивановна, – проговорил Артём.

– Здравствуй, Артём.

– А не возьмете ли вы и мой диплом, а то моя мама не смогла сегодня прийти?

– Возьмёт, конечно, да, мамочка? – с нажимом проговорила Надежда.

– Давайте ваши дипломы, веселитесь.

– Спасибо, – поблагодарил он и взял Надежду за руку, – мы пошли.

Вера Ивановна, забрав дипломы у ребят, повернулась и уже собралась уходить, но не тут-то было: дорогу ей преградил зав. кафедрой.

– Вера Ивановна, вы куда? Праздник только начинается, я сегодня за вами ухаживаю, прошу вас, только не отказывайтесь!

Вера Ивановна поняла, что уйти ей так просто не удастся.

– Хорошо, Иван Иванович, я только отлучусь в дамскую комнату, макияж поправлю и вернусь.

– Я вас жду! – многозначительно произнес Иван Ивано-

вич.

А Вера Ивановна в конце коридора увидела давешнюю даму, спешащую к ней. «Надо бежать», – подумала она и, быстро развернувшись, кинулась к выходу, не слыша Ивана Ивановича, который кричал ей в след:

– Куда же вы, дамская комната в другой стороне?

Но Вера Ивановна была уже далеко, стремглав сбежала по ступенькам вниз, остановила такси и, наконец, смогла вздохнуть спокойно.

– Куда едем? – спросил таксист.

Вера Ивановна назвала свой адрес и через десять минут была дома.

«Что же делается, – сокрушалась она, сидя в кресле, – я теперь в свои шестьдесят лет выгляжу, как девочка. В этом городе оставаться нельзя, мне просто не дадут прохода! – её размышления прервал звонок в дверь. – Кто это может быть?» – удивлённо подумала Вера Ивановна, подошла к двери и посмотрела в глазок. На площадке стоял солидный мужчина в полицейской форме.

– Вы к кому? – спросила она.

– К вам, Вера Ивановна, к вам.

Она открыла, и полковник Путов, вошёл в квартиру.

Глава 4

Стол для выпускного курса накрыли в столовый институт. Украсили помещение шарами и конфетти, приглушили слегка свет – получилось эффектно. Надежда сидела рядом с

Артёмом. Он налил ей шампанского, она посмотрела на него вопросительно.

– Ну что? – обиженно пробурчал он.

– Сегодня выпускной, торжественный день. Ты же знаешь, как на меня действует вино?

– Ну видел один раз, и?

– Всё нормально.

Поднялся ректор, сказал тост, ещё раз поздравив их с окончанием института. Ребята в ответ весело крикнули: «Ура!» – и выпили по первому бокалу шампанского. Надежда лишь пригубила и уже хотела поставить, но:

– Нет, подруга, не получится, – посмотрела на неё Инна, с которой она дружила с первого курса, – до дна! Сегодня мы гуляем!

Её поддерживали другие и неожиданно она стала центром внимания всего стола, под громкие аплодисменты выпив свой бокал до дна.

Веселье началось! Тосты, шампанское, танцы – всё слилось у Надежды в один сплошной калейдоскоп. Вино ударило в голову – не помогли даже её новые способности. Всё предстало в новом, радужном свете. Она почувствовала себя счастливой, кружась с Артёмом в вальсе. Ей нравились его ухаживания, его прикосновения будили какие-то неведомые, дремавшие в ней, чувства, упругое молодое тело Надежды требовало любви. Артём почувствовал перемену настроения, почувствовал ответную волну на его ухаживания,

набрался смелости и решил сделать следующий шаг: уловив момент, он поцеловал Надежду. Она посмотрела на него жгучим взглядом и страстно ответила, обняв, прижавшись всем телом, не обращая ни на кого внимания.

– Эй, ребята, вам не пора уединиться? – шутливо спросила Инна.

Надежда оторвалась от Артёма, схватила её за руку и потащила в круг танцующих.

– Нет, Инночка, не пора, лучше потанцуем.

Артём во все глаза смотрел на Надежду: такого поворота событий он не ожидал. Что могло быть потом, когда действие алкоголя закончится, он уже знал. «Будь, что будет», – и ринулся за Надеждой, поймал её за руку и закружил в танце, а она не сопротивлялась, ей даже нравилась его настойчивость.

Веселье продолжалось до утра, но никто не устал. Эйфория от праздника не проходила. Покинув институт только под утро, весь курс пошёл гулять по городу и, конечно же, на его центральную аллею.

– Надюшь, у меня дома никого нет, может быть, потихоньку покинем ребят и ко мне?

– К тебе? – пристально посмотрела на него Надежда.

– А почему нет?

– К тебе так к тебе, праздник продолжается! – воскликнула она.

Артём взял её за руку, и на очередном перекрёстке они

отстали от группы ребят. Поймав такси они поехали к нему, страстно целуясь в машине. Водитель понимающе улыбался. Когда подъехали, Артём расплатился с таксистом, взял Надежду на руки и понёс в свою квартиру на седьмой этаж. Надежда не сопротивлялась.

Пещерный сценарий повторялся, отличаясь большей экспрессией. Надежда себя совершенно не контролировала, тело подчинялось инстинктам, это было плотское желание её тела, которое требовало немедленного удовлетворения. В отличие от Надежды, Артём действовал осознанно, и прошлой ошибки повторять не хотел.

– Наденька, ты уверена, что хочешь этого?

– Ты что, собрался дискутировать на эту тему? Может, лучше займёмся делом? – сбрасывая с себя платье, проговорила она и подошла к нему, обвивая его шею своими руками.

Их губы слились в страстном поцелуе. Последние капли сомнений, а вместе с ними и сам здравый смысл покинули его, уступив место древним инстинктам. На этот раз Надежда помнила всё, что с ней происходило: как он вошёл в неё, и как она испытала резкую боль, и сладость первого оргазма. Продолжая качаться на волнах наслаждения, она не могла остановить свои желания и требовала всё новой и новой близости. Вернее, не она, а её тело. Артём, наделённый новыми способностями, был на высоте. Наконец утомившись бешеным темпом любовных утех, они всё-таки уснули.

Разбудила Надежду мелодия её сотового телефона. Она

открыла глаза, осмотрелась, увидела незнакомую квартиру, ощутила себя, посмотрела на обнажённого Артёма, всё вспомнила и осторожно встала. Тело было лёгким, как пушинка, и, казалось, удовлетворённо пело. Тело пело, а душа тосковала. Надежда взяла телефон и вышла на кухню.

– Наденька, ну где ты пропадаешь? С тобой всё в порядке?

– Всё в порядке, мамочка, извини, телефон разрядился, загулялись с ребятами, скоро буду дома.

– Ну слава богу, я тебя жду.

Надежда прошла в ванную комнату, посмотрелась в зеркало и увидела там длинноногую красавицу с высокой грудью и правильными чертами лица, которое обрамляли длинные слегка выющиеся волосы, ниспадающие водопадом на грудь. Она залюбовалась собой, подумав: «Да, хороша». Но внутри было тоскливо и неловко случившегося, хотя тело не разделяло такого пессимизма, чувствуя, как всё хорошо. Надежда включила воду, приняла душ, оделась. Будить Артёма не стала, а написала записку, чтобы он ей перезвонил, и потихоньку вышла из квартиры, захлопнув дверь.

У Вей медленно, одно за другим, активизировались сознания. Процесс релаксации завершился, запас необходимых веществ и минералов в организме создан. Маховик сознания раскручивался. Он уже осознавал себя на уровне центрального процессора, стала поступать информация от исполняющих систем. Вдруг эта стройная какофония сигналов нару-

шилась. Вея окатило чувство тоски, тоски по дому.

«Что это?» – подумал он. Таких чувств его многоступенчатое сознание испытывать не могло. Он повис над ванной, и тут его закружил целый вихрь чувств: радость, гордость, любовь, ненависть, надежда. «Надежда, – остановил он этот калейдоскоп, зацепившись за него, как за якорь, – Надежда – землянка, которая была здесь, это её мысли, откуда? Ага, кластерный модуль с записью её сознания. Сколько же прошло времени по земному исчислению?» Второе сознание с готовностью подсказало: «Три месяца».

«Три месяца – это очень много, что с Надеждой? Как она там? Что с Верой Ивановной? Перед релаксацией я должен был подстроить молекулярную вакцину, – он нашёл нужный сенсор управления и активировал, вакцина была готова, но корректировать её нужно было два месяца назад. Он слегка запаниковал, – что могло случиться с Надеждой и её друзьями за это время? Они могли, внешне оставаясь людьми, приобрести кристаллическую структуру тела». Он немедленно подключил аналитические мощности корабля и через некоторое время получил ответ, что на этом этапе изменения необратимы, но структура текуча, и можно стабилизировать её в этом состоянии на корабле. Для этого необходимо присутствие в медицинском модуле самих объектов в течение двадцати одного часа.

«Время есть», – решил Вей. Сознание Надежды билось в клетке, паниковало и гнало его на планету. Он мягко его

изолировал и направился к управляющей консоли корабля. Корабль ожил, замигали огни обмена информации. Звездолёт находился в отличном состоянии. Для возвращения на родную планету не хватало пятидесяти клантов руды. Комплекс всё это время собирал остаточную руду в районе Бештау, и в настоящий момент руды в этом месте не осталось. Вей просканировал планету ещё раз и нашёл залежи на одном из полюсов планеты, но после проверки оказалось, что добывать её нельзя: нарушится магнитное поле Земли, а без него с поверхности планеты всё сдует ветер излучений местной звезды. А вот и ещё одно месторождение. Находилось оно на дне земного океана, на большой глубине. Но это не имело никакого значения: техника позволяла вести добычу в любых условиях. Вей загрузил параметры и координаты месторождения в грузовой модуль и отправил его на планету. Модуль должен был забрать оборудование с Бештау и перебросить его в океан в автоматическом режиме. Покончив с этим делом, он глянул на часы – пора было заняться Надеждой и её друзьями. Вей стёк с консоли, облачился в скафандр и стартовал к планете. Сознание Надежды бунтовало:

- Ты лишил меня свободы, отпусти, – требовало оно.
- Пожалуйста, – и выпустил сознание Надежды из её кластера.

Она побежала вперёд и очутилась в лесу кристаллических информационных систем.

- Куда ты меня завёл? В какую – то пещеру со сталакти-

тами!

– Надежда, тебя здесь нет, вернее, нет твоего тела, присутствует только твоё сознание, а пещера, сталактиты – это твои ассоциации. Ты сейчас находишься во мне и пытаешься связаться с моими уровнями сознания.

– Ни с кем я не пытаюсь связаться.

«Точно, – подумал Вей, – надо связаться с Надеждой на Земле», – и стал её вызывать.

Надежда долго не отвечала. Наконец, от неё пробился слабый сигнал:

– Вей, наконец-то ты появился. Я думала... Ты где?

– Закончил релаксацию и лечу на Землю к тебе.

– Я сейчас в Москве, учусь в университете вместе с Артёмом.

– А, помирились.

– Это другое, Вей, он человек.

– Не совсем человек, но человечнее меня.

– Ты что, обиделся?

– Нет, конечно.

– Вей, я тебя люблю, но по-другому.

– Охотно верю. Тем более, что вы сами не знаете, что такое любовь – биохимическая реакция или чувство, возникшее в результате этой биохимической реакции. Надежда, я должен сообщить тебе неприятное известие.

– Какое?

– Раствор и вакцина, довольно скоро, превратят тебя,

твою маму и Артема, в жидкие кристаллические структуры с человеческим обликом. Чтобы это предотвратить, я должен доставить вас в медицинский центр на звездолёт и стабилизировать процесс.

Надежда с минуту ошарашенно молчала, потом ответила.

– Хорошо, заberi сначала маму, я ей сейчас позвоню.

– Ладно, я лечу за Верой Ивановной, а потом за тобой и Артёмом. Как только заберу ее, сразу свяжусь с тобой, – и отключился.

В третьем сознании кто-то тихо плакал. Вей обратил взор внутрь себя и увидел Надежду, сидящую на корточках и безысходно рыдающую. Он принял виртуальный образ Михаила, подошёл, погладил по волосам, присел и вытер слезы с её щек. Потом взял за руку и повел за собой, сливая её кластер с центральным процессором своего сознания. Виртуальная Надежда перестала плакать, схватившись за руку Вея, как утопающий за соломинку, и стала подниматься с ним всё выше и выше, пока не оказалась на поверхности океана информации.

Вей посадил модуль в лесу, в окрестностях Пятигорска, чтобы сократить время пребывания в городе, и через лес пошёл в город. Оказавшись в районе Машука, взял такси и отправился за Верой Ивановной. Дверь ему открыла молодая красивая женщина.

– Здравствуйте, Вера Ивановна.

– Здравствуй, Михаил, давно тебя не было, проходи.

Он вошёл в квартиру.

– Вы уже знаете, кто я?

– Да, Надежда рассказала, спасибо тебе, за неё, и за меня.

– Не стоит благодарности, Вера Ивановна, вы готовы? Надежда вам звонила?

– Звонила, готова, а куда мы пойдём?

– По дороге расскажу.

На улице вступила в свои права осень. Вера Ивановна накинула плащ, и они вышли из подъезда. Бабули зашептались, а одна из них побежала звонить Зарубину. Вей связался с Надеждой и предупредил, что они с Верой Ивановной идут в модуль.

– Как она? – спросила обеспокоенно Надежда.

– Нормально, – ответил Вей.

В это время в конце улицы раздался вой сирен полицейских машин.

– Это за нами! – воскликнула Вера Ивановна, а из машин их уже заметили и через громкоговорители приказывали остановиться и поднять руки.

Его пытались задерживали и вероятно лишить свободы! Такого в его практике ещё не было. Вей растерялся, но сознание Надежды осталось ясным:

– Ну что застыл?! Беру управление скафандром на себя!

– Не надо, я справлюсь.

– Вера Ивановна, стойте за мной, – и тут же послал в сторону машин магнитно-гравитационный импульс.

Машины, с полностью уничтоженными электронными системами, плавно остановились под действием гравитационного импульса.

«Теперь пороховое оружие. Мне оно не опасно, а вот Вера Ивановна может пострадать».

Вей уже решил нанести по вооруженным людям мнемонический удар, лишив их на время сознания, но тут из машины вышел полковник Путов и пошёл к ним со словами:

– Вера Ивановна, вы же меня знаете, я только поговорю с молодым человеком и всё.

Вей посмотрел на Веру Ивановну.

– Это полковник Путов, начальник местной полиции, был у меня и спрашивал о тебе. Вёл себя вежливо, сказал, что ты преступник – фальшивомонетчик.

– Я даже не знаю, что это такое, – ответил Вей.

– Пусть подойдет, – попросила Вера Ивановна.

– Хорошо, – ответил Вей, обездвиживая остальных вооруженных людей.

Путов подходил все ближе и ближе, уверенности в его движениях не было, он оглянулся: его люди из машин не вышли, на запросы по радиации не отвечали. По спине полковника поползли противные мурашки, что-то было не так.

– Я вас слушаю, – первым обратился Вей к подошедшему полковнику, а Вера Ивановна добавила:

– Сергей Павлович, не делайте глупостей, в этой ситуации вы бессильны.

– Я полковник Путов, вы задержаны по подозрению в изготовлении и распространении фальшивых денег.

– Каких денег? – спросил Вей.

– Фальшивых. Тысячные купюры изготовлены качественно, но номера купюр все одинаковые, – Путов достал наручники, – руки.

– Что руки?

– Сделайте вот так, – и показал, как именно.

Вей сделал, а Путов надел наручники – от сердца отлегло, на душе повеселело.

– Вы арестованы, следуйте за мной; и вы, Вера Ивановна, тоже, как свидетель.

Вера Ивановна смотрела на Вея с ужасом. Тот стоял, глядя на наручники.

– Ну, что стоим, вперёд! Или вам особое приглашение нужно? – и посмотрел на наручники, которые на его глазах стекли, как ртуть, и повисли каплями на запястьях Вея.

Вей неторопливо взял эти капли руками, и они вновь обрели вид наручников. Путов, глядя на наручники, которые защёлкивал на его руках Вей, в недоумении открывал и закрывал рот, не в силах сказать ни слова.

– Иди, Землянин, с миром, – напутствовал он его и, не глядя больше на Путова, повернулся и пошёл в сторону модуля, за ним заспешила Вера Ивановна.

А Путов всё стоял, глядя на наручники. Потом, на автомате, повернулся и пошёл к машинам. «Стоп, – остановил он

себя, — нельзя же в наручниках — засмеют, — кое-как достал из кармана ключи, ещё раз посмотрел на наручники, снял и подумал, — это дело не полиции», — достал телефон и позвонил в ФСБ.

Спустя десять минут, на место происшествия приехали представители ФСБ. Они слушали невероятную историю полковника Путова, подозревая его в сумасшествии на старости лет. Но подтверждения и факты были налицо, ничего не оставалось, как действовать. Вей же с Верой Ивановной успели добраться до модуля и стартовали.

— Как же мне тебя называть теперь? — спросила Вера Ивановна.

— Вей, называйте меня Вей, это примерная транскрипция моего имени в вашем языке.

Вера Ивановна, уже привыкшая к чудесам, не очень удивилась.

— А зачем я тебе?

— Вера Ивановна, Надежда ввела вам мою вакцину. Но она весьма нестабильно ведёт себя в организме, нужна подстройка, которую можно провести только на моём корабле.

— Понятно, — задумчиво произнесла она, — а что потом?

— Я не знаю, — честно ответил Вей.

Больше до самой Москвы они не разговаривали. Вей посадил модуль в режиме маскировки в безлюдном месте, где уже ждали Надежда и Артём. Спустил трап, по которому Надежда и Артём поднялись в модуль. Артём зашел и остано-

вился в растерянности, увидев Михаила, а Надежда кинулась к нему и обняла.

– Как долго тебя не было! Целую вечность! – потом подбежала к Вере Ивановне, обняла. – Mamочка, ну ты как?

– Как себя может чувствовать обычный человек, попавший в необычную ситуацию...

– Надежда, – заговорил Вей, – Твой друг, кажется, не ожидал меня здесь увидеть?

– Артём, чего ты встал? Проходи знакомиться.

– Мы знакомы, – недовольно и ревниво буркнул Артем.

– Нет, не знакомы. Это Вей, представитель высокотехнологичной кристаллоподобной цивилизации Сейме-с.

– Инопланетянин? – вырвалось у Артёма.

– Самый что ни на есть настоящий, – подтвердил Вей.

– А почему выглядишь, как человек? – Артем уже не знал, как на это реагировать и вести себя.

– Это не я, так выглядит скафандр. Ну что, готовы? – образовались ещё два кресла. Надежда и Артём уселись на них. – Тогда стартуем!

– Ты нас похищаешь? – неуверенно спросил Артём, вцепившись мертвой хваткой в кресло.

– Нет, решил прокатить и показать солнечную систему, а заодно подлечить.

– Но зачем? Мы ещё никогда не чувствовали себя так прекрасно.

– Артём, перестань, – перебила его Надежда и наконец

рассказала, в чём дело.

Аппарат всё удалялся и удалялся от планеты. Внезапно стенки его стали прозрачными, а пассажиры словно повисли в космосе. Артём до боли в суставах сжимал подлокотники кресла. Совсем рядом полыхало солнце, сбрасывая в пространство огромные потоки плазмы. Казалось, что его жар проникал даже сюда. Внизу неспешно вращалась Земля, отдаваясь всё дальше и дальше. Пространство вокруг покрывали россыпи звёзд и туманностей.

– Какая красота! – раздался восторженный возглас Веры Ивановны.

– Да, красиво, – поддержал её Вей, – я только недавно стал понимать значение этого слова. Но нужно всегда помнить, что эта красота полна опасностей и, к сожалению, не приспособлена для жизни людей.

– Но почему же, – возразил Артём, – ведь мы живем на Земле, а она находится в космосе и несётся по его просторам с невероятной скоростью.

– Это так, но на Земле вы находитесь как на космическом корабле, в качестве пассажиров, и космос, или вселенная, постоянно меняет состав пассажиров.

– А у вас на планете по-другому? – не сдавался Артём.

– И да и нет, – просто ответил Вей, – законы развития приблизительно везде одинаковые, и состоим мы из одних и тех же элементарных частиц, расположенных в особом порядке. Наша цивилизация ушла далеко вперёд в технологи-

ческом развитии и выживании в этой вселенной, мы можем терраформировать и осваивать планеты, но разучились чувствовать, видеть, любить.

– Это, видимо, плата за технологический прорыв? – не унимался Артём.

– Возможно, все мы что-то со временем теряем, вам этот путь ещё предстоит пройти.

Надежда молчала. Вей посмотрел на неё.

– Ну что, налюбовались красотами своей солнечной системы?

– Нет, – ответила за всех Вера Ивановна.

– Тем не менее, нам нужно торопиться, у вас мало времени. Включаю маршевые двигатели, держитесь! – предупредил их Вей.

Сначала ничего не происходило, потом звёзды двинулись с места, постепенно ускоряясь – и вот они уже слились в одну светящуюся полосу. Складывалось впечатление, что звездолёт стоит на месте, а звёзды движутся ему на встречу. Но это иллюзия, конечно. Вера Ивановна рассказала ребятам, как их с Веем чуть не задержали полицейские, и как они сумели уйти.

– Дааа, дела! Нам теперь домой возвращаться нельзя.

– А где же мы будем жить? – всполошилась Вера Ивановна.

– Что-нибудь придумаем, да, Вей? – посмотрела на него Надежда.

– Да, Наденька, ваш статус меняется. Думаю, на вашей планете, как и на любой другой, есть различные службы безопасности, которые после недавних событий очень вами заинтересуются и захотят пообщаться поближе.

Звёзды замедлили свой бег, потом и вовсе остановились. Прямо перед ними увеличивался в размерах красавец Сатурн, опоясанный кольцами.

– Почти дома, – оповестил всех Вей.

– Ничего себе, дом. Это же Сатурн! – пробурчал Артём.

Модуль вошёл в астероидное кольцо, ловко маневрируя, понёсся вперёд. Артём не отпускал подлокотники кресла, а Вера Ивановна побелела от страха. Одна Надежда как ни в чём не бывало продолжала любоваться пейзажем, перекидываясь с Веем фразами.

– А вот и наш звездолёт «Звёздный ветер», – воскликнула Надежда.

Перед ними выплывала громада обтекаемого многокилометрового звездолёта с различными надстройками.

– Вей, но при первом моем посещении звездолет имел форму пирамиды.

– Все верно, сейчас корабль трансформировался в форму удобную для дальнего полета.

– Понятно, – растеряно откликнулась Надежда. Вей уже инструктировал остальных, как действовать дальше.

– Надежда, покажешь, где лежат скафандры? Свой ты знаешь.

– Конечно.

Как только вошли в шлюз, Вей сразу снял скафандр, стёк на пол блестящей ртутной каплей и скрылся в дверях. Скафандр сам дошёл до своего места и остановился там.

– Переодевайтесь. Скафандры здесь, вы в них просто заходите и управляете ими мысленно, – проинструктировала Надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.